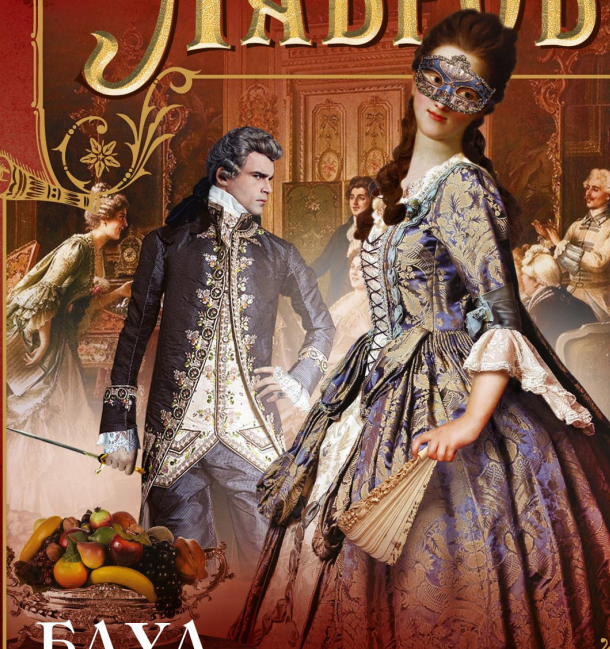

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ВАЛЕНТИН ЛАВРОВ

БЛУД
НА КРОВИ

Валентин Викторович Лавров

Блуд на крови

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48595492
Блуд на крови: Центрполиграф; Москва; 2020
ISBN 978-5-227-07913-8*

Аннотация

«Блуд на крови» – книга, написанная в жанре русского исторического детектива. В книгу вошли рассказы о знаменитых преступлениях со времен Екатерины Великой до первых лет советской власти. С большой достоверностью описана блестящая работа талантливых российских сыщиков.

Книга содержит много интересных сведений из неизвестных прежде страниц российской истории.

Содержание

Загробный мститель	7
Поживется – слюбится	8
Утренние заботы	10
... что фонарь без свечи	12
Светская жизнь	14
Черные замыслы	16
Жуткое застолье	18
Признание	21
Гроб у порога	23
Эпилог	25
Дочь палача	27
Азарт	28
Последняя ставка	30
Пошла Настя по напастям	32
Чума	34
Каждому свое	36
Железная Елизавета	38
Уроки молодым	40
Теплая встреча	42
Голгофа	44
Воспитатели	46
Из судебных протоколов	48
Эпилог	50

Лунная дорога	51
Коновал	52
Волшебные руки	54
Любовь к путешествиям	56
Примятая трава	58
Вдовьи хлопоты	59
Крушение карьеры	61
Любовь	63
Путники в ночи	65
Загадка	67
Оковы тяжкие	69
Бог правду видит	73
Эпилог	77
Тайна тюремного замка	78
Драка в камере	79
Судьба играет человеком	81
Записка	83
Подметное письмо	85
Труп для студентов	87
Таинственная незнакомка	90
В царстве мертвых	92
Голова в мешке	94
Эпилог	95
Роковое сходство	99
Под липами	101
Страшная трапеза	104

Сиротская доля	107
Ухажер	109
Жизнь столичная	111
Благодетель	114
Необыкновенные способности	116
Карьера	118
Карьера (окончание)	122
В аллеях Летнего сада	125
Догоревшая свеча	128
Немного о философии	132
Вечерний чай	136
Умные разговоры	138
В дороге	142
Гостиница «Санкт-Петербург»	144
Песенки под арфу	146
На Домниковке	152
Нежная встреча	155
Под дождем	157
Конец ознакомительного фрагмента.	159

Валентин Лавров

Блуд на крови

© В.В. Лавров, 2020

© «Центрполиграф», 2020

Загробный мститель

Едва до Екатерины Великой дошла история, о которой мы расскажем, императрица якобы с изумлением произнесла: «Каких чудес на свете токмо не бывает!» И повелела: «О сей истории много не распространяться и народ зря не смущать, дабы в умах порча не произошла».

Поживется – слюбится

Первостатейный петербургский купец Данила Матвеевич Семенов уже два года ходил вдовцом. Было ему сорок девять лет от роду, силу в организме имел он несокрушимую и в женской ласке ощущал необходимость несомненную.

Тут ему сваха подвернулась. Стала невесту ладить:

– Тебе ли, Матвейч, с такими капиталами одному перемогаться? У купца Наумова девка Анастасия в возраст вошла, осьмнадцать годков стукнуло. Из себя краля – стройная, чернобровая. Сам Наумов разорился, да тебе за чужим богатством не гнаться, своего – выше крыши!

Устроили смотрины. Даниле Матвеевичу девка показала, лишь худоба смущает. Сваха увещевает:

– Чай, сквозь ребра кишки не просвечиваются! Были бы кости – от доброй жизни всегда мясо нарастет.

Анастасия девица не нравная, но отцу печалится:

– Скучно мне, батюшка, стар он дюже. Молодого бы, пригожего!

– У молодого в кармане – вошь на аркане, – отец вразумляет. – Тебе, бесприданнице, знаменитый купец честь оказывает. Да на твоём месте любая другая нос бы вздернула, хвост растопырила. Я, дочка, не мерзавец твоей жизни, добра желаю.

Свадьбу пышную сыграли. Анастасия в дом мужа переехала и весьма довольна осталась. У отца с хлеба на квас перебивалась, в обносках ходила, а тут стала нежиться в полном довольстве. Отцу кланяется:

– Спасибо, батюшка, за вразумление. Муж у меня расчудесный, заботливый да щедрый. Опять деньги дал большие. Говорит: «Наряжайся, ни в чем себе не отказывай!» Пир в доме чуть не каждый день – знакомцев угощаем, купцов российских и чужеземных. Делу торговому – застолье первый помощник. Даже умелого повара взяли. В землях немецких искусству своему обучался.

Утренние заботы

Хозяин спозаранку по делам торговым убежал, все заботы на молодую жену оставлял. Та еще в постели лежит, да уже о доме заботится. Данила Матвеевич приказал богатый обед приготовить, сегодня купцов, приехавших из разных городов сделки рядить, следует угостить: «По-царски!»

Позвонит Анастасия в колоколец, сенной девке Глашке приказывает:

– Позови повара!

Ванька-повар, рослый, в плечах широкий, лицо круглое, руки фартуком вытирает, на пороге уже стоит:

– Гутен таг, фрейлейн! Звать приказывали?

– Чего к обеду готовишь?

– Стараемся, как приказано. Стало быть, – Ванька заводит глаза, – на первое холодец, затем ветчина с хреном – от Самотесова доставили сейчас. На второе – галантир...

– Ты, Ванька, оттяни его поболее!

– Натюрлих, Анастасия Павловна. Сельдь соловецкая. Грибки соленые, огурцы и пурмидоры из парников Шереметева – как положено. Ну и шеврель из дикой козы, которую свою зарезали. Напитки разнообразные, – повар впился взглядом в заманчивые полуокруглости грудей, выглянувших из-под одеяла, – токмо докупить следует бонбарисовой, да померанцевой не более полдюжины осталось.

– Из горячего – все?

– Как можно-с?! Фазаны в перьях по-курфюрстски. На десерт – зефиры и пирожные разнообразные.

Анастасия, томно потянувшись, сладко зажмурилась:

– Что-то чаю хочется...

– Да и то, чаю аль кофе с утра – хорошо, – угодливо осклабился Ванька. – Прикажете в спальню подать? А может, в дальнюю беседку с гротом?

– Давай в сад неси, – улыбнулась приветливо Анастасия. Ванька – единственный молодой мужик в доме, и Анастасия с удовольствием чувствовала, что ее женские прелести волнуют парня, и немного кокетничала с ним. – Отвернись, бесстыдник! Не видишь, с постели встаю.

...что фонарь без свечи

Ванька от рождения был крепостным великих князей. После первого брака будущего русского царя Павла Петровича Ванька достался его очаровательной супруге Наталье Алексеевне. Подростком вместе с другими рабами был отправлен в Дрезден – учиться поварскому делу.

По природной бестолковости Ванька тонкостей своей профессии не освоил. Зато, как это часто случается с россиянами, заграничная жизнь произвела на парня самое пагубное воздействие. Ему понравилось щеголять в смешных одеждах, играть в азартные игры и дуть пиво.

Великая княгиня Наталья Алексеевна, словно предчувствуя свой ранний конец и от природы обладая нравом добрым и человеколюбивым, составила завещание. Шестнадцатого апреля 1776 года Наталья Алексеевна разрешилась от бремени мертвым младенцем, а сама, испытав страшные муки, скончалась. Ее овдовевший супруг исполнил волю покойной жены, в точности сделал все то, что она записала в духовной. Среди прочих благодетельствованных и оказался повар Ванька, получивший освобождение из своего крепостного состояния.

Тут он и подвернулся под руку Даниле Матвеевичу, который, желая доставить приятное удовольствие супруге, натерпевшейся всякой нужды с молодых лет, взял на службу

Ваньку, определяя ему комнату для житья в собственном доме и приличное жалованье.

Вскоре выяснилось, что Ванька ленив и глуп. Данила Матвеевич вздыхал порой:

– Голова без ума, что фонарь без свечи.

Готовил он не лучше кухарки Луши, но по доброте хозяйской был на месте оставлен.

И как скоро жизнь показала, сделал это купец понапрасну.

Светская жизнь

Данила Матвеевич норовил всячески потрафить жене. Гардероб ломился от новомодных платьев. Одних роборонных с фижмами было штук пять или более – из атласа, люстрина, бархата, штофа, гроденапля. Кушала Анастасия с серебра, а ее уши, пальцы и грудь украшались бриллиантами, изумрудами и золотом.

Явно гордясь женой, которая от доброй жизни несколько располнела и вообще стала еще привлекательней, купец возил ее на разного рода ассамблеи и представления.

Так, в июле Данила Матвеевич привез жену в Аничков дворец, где петербургское купечество устроило маскарад.

Воображение Анастасии было поражено многоцветным фейерверком и освещенным щитом, на котором ярко горел вензель императрицы. Здесь же Данила Матвеевич познакомил ее со своим старинным приятелем – знаменитым поэтом Сумароковым. Последний составил им протекцию, по которой они попали в Смольный, где институтки разыграли пьесу Екатерины «Высокомерный».

Сама императрица сидела в ложе и от восторга чувств хлопала в ладошки: «Браво, актеры!» После ужина дали бал. Анастасия от природы была ловкой и танцевала лучше всех, и от кавалеров не было отбоя. И вдруг к месту, где она находилась с мужем, приблизилась императрица с фельдмарша-

лом Голицыным. Екатерина Алексеевна улыбнулась и мило- стиво произнесла:

– А ты прелестно танцуешь! – И, повернувшись к Голи- цыну, лукаво добавила: – Князь, если супруг этой красавицы не возражает, отчего бы вам не сделать с ней круг?

Данила Матвеевич затараторил, что «будет весьма по- лыщен», Анастасия заалела от смущения.

Грянула музыка, и увешанный орденами князь, еще в дви- жениях не потерявший ловкости, прошел с купеческой же- ной два круга.

Екатерина, стоя возле Данилы Матвеевича, с удовольстви- ем наблюдала танец. Потом спросила купца:

– Как зовут твою супругу?

– Анастасия Семенова, в девичестве Наумова, ваше импе- раторское величество! – бойко ответил Данила Матвеевич.

Случившийся поблизости Сумароков поспешил вставить:

– Ваше величество, купец Семенов не только молодой же- ной знатен, он и легко владеет немецким, говорит без затруд- нений.

Екатерина за что-то сердилась на знаменитого поэта и его замечание оставила без ответа, хотя фамилию купца, как по- кажет время, запомнила.

Анастасия от своей жизни была в восторге. Она искренне повторяла мужу:

– Ты у меня зело чудесный! Как я тебя люблю...

Черные замыслы

Кокетство Анастасии, на первый взгляд вполне безобидное, вдруг приобрело мрачное значение. Дело в том, что Ванька, имевший любовный опыт исключительно с продажными женщинами и не помышлявший об их порядочности, вообразил, будто юная хозяйка без него жить не может. Порой сладострастно мечтал: «Ты будешь моей, чего бы мне сие ни стоило! Я помню о тебе всяк час, я уже изнемогаю! Твой старый муж достоин смеха. Он еще не ведает, что и его супружница, и все капиталы скоро мне достанутся».

Повар замыслил страшное. У немца-провизора он купил белый кристаллический порошок – сулему. И ждал лишь удобного случая, чтобы осуществить свое злодейство.

* * *

И случай такой представился в двадцатых числах августа 1777 года. К купцу приехали друзья из Ганновера. Стол был завален различными яствами: осетриной, белугой, икрой на подносе, копченой стерлядью, красовался нежной розовой корочкой жареный поросенок, стояла батарея дорогих вин. За столом шумело веселье.

Обычно воздержанный, Данила Матвеевич пил чарку за чаркой.

В столовую несколько раз забежал Ванька. Наконец решился: «Хозяин, кажись, зело пьяный! Насыплю ему отраву в кашу с фруктами. Все будут есть – им ничего, а на старика воздействует. Решат, что худо ему сделалось от избытка водки».

Прибежав на кухню, Ванька решил отослать на минуточку-другую Лушку, ему помогавшую. Он приказал:

– Не вертись, яко капля на носу! Неси-ка лучше гостям мусс. Да не забудь грязные тарелки собрать со стола.

Едва девка ушла, как повар метнулся к угловой полке, где стояли большие кастрюли, редко употреблявшиеся. Лихорадочно пошарив вмиг вспотевшей ладонью, извлек из тайного угла маленький пакетик. Это была сулема. Он высмотрел покрупнее сливу, украшавшую кашу, пальцами сделал надрыв и посыпал туда яда. Потом сливу положил сверху на кашу, заметив место.

В этот момент, громяхая деревянными подметками по дощатому полу, на кухню вернулась Лушка.

– Мой посуду, – распорядился повар, – а я кашу гостям поставлю.

И, подхватив трясущимися руками блюдо, отправился осуществлять гнусный замысел.

Жуткое застолье

– Стол у тебя, Данила Матвеич, замечательный! – хвалили гости из Ганновера.

В то утро они совершили удачную сделку с Семеновым. Гости много рому пили, трубки курили, всю гостиную табаком продушили. Гуся съели, поросенка закончили. Интересуются:

– Не пора ли к сладким винам перейти?

– Обязательно, вот гишпанское, по okazji получил! – Данила Матвеевич взял в руки бутылку старинной формы. – В Гишпании, рассказывают, сам король тамошний употребляет.

Откушали гости вина, почмокали губами:

– Истинно напиток королевский! И смородиновый мусс – объедение! – Сами обходительные, на Анастасию любят, деликатно улыбаются: – Хозяйка – красавица и дом, поди, ведет отлично. Кушанья все превосходные!

Хозяин, довольный похвалой, широко улыбнулся:

– Мой повар в вашем германском государстве выученный. Служил великой княгине Наталье Алексеевне, царство ей небесное.

Поговорили о том, что ее вдовый супруг что-то уж слишком быстро утешился новой любовью – и полгода не прошло со дня смерти Натальи.

– В Берлин Павел Петрович приезжал на свидание с

невестой своей – принцессой Вюртемберг-Штутгартской Софьей-Доротеей, – заметили немцы, довольные тем обстоятельством, что их соотечественница стала великой княгиней в России и, весьма вероятно, станет царицей.

В этот момент вошел Ванька. На большом подносе он держал кашу, начиненную персиками, сливами, яблоками и различными ягодами. Серебряной лопаткой он разложил кашу гостям. Большой кусок отделил хозяину, сверху украсив крупной сочной сливой.

– Ты, Ванька, меня обкормишь! – добродушно пророкотал хозяин.

– Кушайте себе во здравие. – Зубы повара ляцкнули. Он поспешил удалиться на кухню.

Минут через десять к нему влетела Глашка:

– Иван Гаврилыч, вас хозяин требуют!

На непослушных ногах, побледнев от страха, Ванька вошел в столовую. Данила Матвеевич сидел с перекошенным лицом.

– Ты, подлец, чем меня накормил? Я словно гвоздей наелся, во рту железом отдает.

Заюлил повар, забегали глазки:

– Это все Лушка, это она нынче на базаре черт-те знает у кого хрухты покупала. Можя, чего и попавши.

– Анастасьюшка, зови скорей лекаря да священника... – Купец изрыгнул на праздничный, разукрашенный серебряным шитьем кафтан что-то слизисто-кровянистое. – Ох,

томление во всех членах, смерть горчайшая подходит!...

Когда, запыхавшись, прибыли священник и доктор Позье, они нашли в спальне остывающий труп купца. Лицо его было искажено мучительной смертной гримасой.

Признание

В доме Данилы Матвеевича начались хлопоты, которые сопутствуют смерти. Молодая вдова то и дело заходилась в неутешных рыданиях. Хмурый и неопратно одетый гробовщик с аршином в руках обмерял усопшего. Лушка, быстро мелькая иглой, шила погребальный саван. С мягким пушком на верхней губе монашек читал молитвы.

...В день похорон улица была черна народом. Сладко пел синодальный хор. Держа разукрашенный гроб на холстинных полотенцах, народ двинулся к кладбищу. Вдову, то и дело терявшую сознание, вели под руки.

Среди народа держался слух, что-де не своей смертью почил усопший, что его отравили.

* * *

На следующее после похорон утро без стука в спальню к вдове, забывшейся тяжелым сном, вошел Ванька. Он уселся на край постели, подмигнул хитрым глазом и заговорщицки произнес:

– Сию пакость я сотворил исключительно ради чувств наших. Грех взял на свою душу. Теперь, барыня, ничто Эроту препятствие не чинит.

– Ты что, дурак безмозглый, несешь? – изумленно вос-

кликнула Анастасия. – Какой еще Эрот?

– Молвлю не ложно, – ощерился Ванька. – Теперя мы навсегда вместе. Для нас обоих я старался. Покойнику подсыпал...

Захлебнулась от гнева вдова, ладонью полоснула убийцу по морде:

– Пусть тебя, негодяй, лютая смерть постигнет!

Глаза убийцы нехорошо блеснули. Он криво усмехнулся:

– Коли донесешь, так я на дыбе скажу, что сама меня научила старика мужа извести. Казнят тогда обоих.

Застонала Анастасия:

– Я не донесу, но будь ты проклят и пусть тебя постигнет кара Божья!

Ванька направился к дверям, на ходу пробормотал:

– Зря серчаешь! Но я к тебе еще приду, ты меня сделай своим любовником. Иначе сам погибну, но и тебя погублю. Ауфвидерзейн!

И вновь, уткнувшись в подушку, рыдала молодая вдова. У нее не стало сил разорвать ту паутину, в которую вовлек отравитель.

Гроб у порога

После похорон прошло две недели. Девятого сентября 1777 года Екатерина Великая прибыла в Петербург из Царского Села.

В тот день задул ураганный западный ветер. С моря гнало воду в Неву, и она поднялась на десять футов, то есть более чем на три метра. Свидетель этого печального события писал: «От сего наводнения водою был залит весь город, освобождены были токмо Литейная и Выборгская части города... По всем почти улицам, даже и по Невской перспективе, ездили на маленьких шлюпках. Небольшой купеческий корабль проплыл мимо Зимнего дворца, прямо через каменную набережную. Польский корабль, груженный яблоками, был занесен в лес, находящийся на Васильевском ост рове».

...Именно этот корабль увидела поутру в свое окно Анастасия. Вода плескалась возле стен ее дома. Затопление было всеобщим. Вдруг вдова, не веря глазам своим, с ужасом закричала:

– Что это? Не может быть! Страсть какая...

Возле крыльца плавал... гроб. Тот самый, что заключал останки Данилы Матвеевича. Анастасия позвала Глашку и Лушку. С их помощью разбухший дубовый гроб с невероятными трудами подняли на крыльцо.

И вскоре вода пошла на убыль. Часа через три, то есть в

самый полдень, наводнение почти полностью схлынуло.

* * *

Вдову навестил Александр Петрович Сумароков. Болезнь помешала ему присутствовать на похоронах. Он собирался уезжать в Москву, но, прослышав о необыкновенном случае с гробом, решил утешить Анастасию и отдать краткую эпитафию – для высечения на надгробном памятнике:

Под камнем сим лежит мой муж.
Ко мне он не вернется уж.

Эпитафия содержала некий намек.

Вдова, питая полное доверие к замечательному человеку, рассказала ему всю историю, ничего не утаив. И при этом добавила:

– В случившемся усматриваю волю мужа, дабы виновник его злой кончины получил должное возмездие. Дайте знать, Александр Петрович, о лиходее тому, кому положено сие по службе.

На другой день поэт отъехал в Москву, но перед тем поведал о происшествии фельдмаршалу Голицыну. Тот, не разобравшись в сути дела, приказал арестовать и Ваньку-повара, и безвинную вдову. Так они оба оказались в каземате.

Эпилог

Но истина все ж восторжествовала. Когда Голицын довел до сведения императрицы о столь необычном случае, как приплытие гроба к крыльцу дома, где было совершено злодеяние, и назвал фамилию Семеновой, та упрекнула князя:

– Почто ты забыл юную прелестницу, с которой танцевал в Смольном дворце? Такая не могла совершить столь бесчеловечный поступок.

Анастасия была в тот же день освобождена и вознаграждена за претерпение безвинных страданий: Екатерина подарила вдове свой миниатюрный портрет.

Ванька был порот, клеймен и навечно отправлен в Сибирь.

Поэт Сумароков уже 1 октября того же, 1777 года скончался в Москве. Его эпитафия была выбита на граните надгробия Даниила Матвеевича, своевременно вновь похороненного и к вдове действительно больше никогда не возвращавшегося.

Голицын, желая доставить приятность императрице, предлагал ей сделать такие водяные фонтаны, кои в случае нового наводнения выбрасывали бы влагу до самого неба и рассеивались в тучах. Из этих фантазий, понятно, ничего не осуществилось.

Зато той же осенью великий Гваренги закончил сооружать

чудные решетки оград Летнего сада. Они были позолочены и вызывают всеобщий восторг по сей день.

Дочь палача

Этой страшной истории более двух сотен лет. Она поразила умы ее современников лютотой и беспричинной жестокостью. Любимец двора поэт Михаил Херасков говорил Екатерине Великой: «Злоба сия может поколебать в человеке благородном уважение к людскому племени». Оберегая чувства своих читателей, я не стал бы печатать эту историю. Однако она нам интересна тем, что для раскрытия истины впервые в России была произведена с судебной целью эксгумация трупа.

Азарт

Семеновского полка капитан Жердинский держал нечто вроде игорного дома. Каждый день здесь за зеленым сукном ломберных столов собиралась изрядная компания, состоявшая преимущественно из персон военного звания.

В тихий послеобеденный час, когда многие из петербуржцев вкушали, по древнему русскому обычаю, сон, исходил азартным томлением майор лет тридцати пяти. Хрупкого, словно саксонский фарфор, сложения, с узким, побледневшим от волнения лицом, с растрепанным коком над высоким лбом, он испытывал фортуна за вистом. Взмокшей и слегка дрожавшей ладонью время от времени он подгребал к себе выигранные деньги.

Сидевший напротив мрачный кирасир пошарил по пустым карманам мундира и со злобой плюнул на пол:

– Ну, Христер Клот, тебе везет, как подлецу! Выставил меня начисто. За какой-то час просадил тебе месячное жалованье. Что ж я пошлю теперь старухе матери? Ох, где ты, моя удача?

Клот ехидно ухмыльнулся:

– С твоим счастьем, Парамонов, только по воронам из мортиры палить!

Клот умирал Пугачева, самолично (осуждаемый за это офицерами) повесил десятка полтора бунтовщиков, отли-

чился под Казанью. Теперь же, согласно его рапорту, отправлялся на родину – в Лифляндию «для поправления пошатнувшегося домашнего хозяйства и болезни супруги ради».

– Играешь? – с надеждой получить еще чего-нибудь в качестве трофея спросил Клот.

Парамонов подумал, достал серебряные часы, положил на стол. Игра возобновилась, и через несколько минут часы поменяли хозяина.

– Я – пас! – поднялся кирасир. – Если желаешь, угости водкой.

Игроки пошли к буфету, выпили по несколько рюмок. Вдруг Парамонов азартно произнес:

– Хочешь сыграть на мою крепостную девку? Ей десять годов, но ловкая, шельма! Шьет изрядно, может готовить. За десять рублей поставлю. Идет?

Они вышли на улицу, приказали остановиться извозчику. Через минут десять подкатили к маленькому домишке, стоявшему поблизости от Шляхетского кадетского корпуса.

– Сам король шведский Густав III месяца полтора тому назад посетил нас, у кадетов был, – хвастливо проговорил Парамонов, словно король был его личным гостем. – Ужинать будешь?

Последняя ставка

На пороге прибывших встретила тонкая веснушчатая девочка, вытрясавшая половичок. Большие голубые глаза вопросительно посмотрели на Парамонова. Тот обрадовался, похлопал ее по спине:

– Видишь, майор, какова красавица? Цены девке нет. Скоро в возраст войдет, совсем тебе пригодится. – И он хихикнул, обнажив темные от жевательного табака зубы.

Клот ощупал девочку, недовольно поморщился:

– Тоща, яко снеток онежский! Ну да уважу тебя, Парамонов, сыграю. Выпить у тебя не найдется?

Прошли в избу. Даже вечерний сумрак не мог скрыть убожества обстановки: земляной пол, колченогая лавка, некрашенный стол да грязный полог, за которым виднелась неубранная кровать хозяина.

– Фьють, – присвистнул Клот, – живешь ты, капитан Парамонов, вельми скудно.

Тот тяжело вздохнул:

– А как иначе? Деревушка у меня под Вязьмой есть, да дохода почти не дает. А жалованье мое все на игру нынче уходит. Страсть как не везет, а без игры не могу. Тут два месяца терпел, зарок давал, так поверишь, майор, едва не повесился от тоски. Даже веревку намылил, но в последний миг одумался.

Клот улыбнулся широкой розовой пастью:

– Веревку, капитан Парамонов, береги. Может, и пригодится еще.

– Типун тебе на язык! Мои беды начались еще со службы в любезных сердцу покойного императора Петра III голштинских войсках. После его кончины матушка Екатерина нашим офицерам, и мне в их числе, хода не дает. Так и уйду за выслугой лет в отставку капитаном, а уж давно пора быть майором. Ну да хватит. – Он повернулся к девочке: – Поставь, Настя, нам водки и чего-нибудь найди на закуску. Огурцов, что ли, да хлеба.

Они выпили. Парамонов предложил:

– Давай фортуна испытаю – кости бросим!

Пошла Настя по напастям

Бросили кости. Выиграл Парамонов, затем еще и еще он срывал куш. Клот матерился, стучал сапогами, хлопал по столу кулаком.

Парамонов, размягчаясь от удачи, дал денег Насте, приказал:

– Сбегай в лавку к Хорькову, купи бутылку марсалы. Да прикажи, чтоб дал самой лучшей.

Мелькнув босыми пятками, девочка поспешила выполнять желание хозяина. Вернулась она скоро, но счастье уже успело полностью отвернуться от кирасира Парамонова: он проиграл все, что выиграл прежде, проиграл и самую Настю.

Попивая марсалу, счастливый Клот говорил:

– Пусть девчонка несколько дней поживет у тебя, Парамонов. Я августа тридцатого убуду на родину и возьму ее с собой. Завтра составим купчую, чтобы все дело по закону было. Теперь тебя будут звать, – Клот повернулся к девочке, – Триной.

– Почему так? – вяло спросил Парамонов.

– Мою любимую собаку так звали, да на прошлой неделе околела. Прекрасная легавая была, да что-то, видно, съела. Будешь мне напоминать ее. – Клот потрепал за ухо девочку. – Поняла, Трина?

Настя покорно кивнула:

– Поняла, дяденька. Вы меня будете теперь звать Триной.
Клот ослабился:

– Смекалистая! А где, Трина, твоя мама?

За девочку ответил Парамонов:

– Сиротой растет! И мать и отец в семьдесят первом году от чумы ноги протянули.

Так Настя поменяла и свое имя, и хозяина. Если есть на небе ангелы, в тот день они плакали над грядущей судьбой ребенка.

Чума

Парамонов сказал правду про родителей Насти. Когда она была совсем малышкой, ее отец и мать прислуживали в доме Парамоновых, что на Покровке в Москве. В декабре 1770 года в старой столице разразилась чума. Говорили, что ее занесли солдаты, воевавшие против Турции.

Коса смерти нашла свои первые жертвы на какой-то суконной фабрике. Неопытность врачей и легкомыслие народа, не понимавшего страшной опасности, позволили болезни быстро распространиться по всему городу.

Главкомандующим Москвы в то время был неустрашимый (согласно легенде) граф Петр Семенович Салтыков. Знаменитость свою он обрел в Семилетнюю войну. Рассказывали, что фельдмаршал расхаживал поверх редутов и отмахивался от летавших вокруг ядер хлыстиком.

Теперь же сей воин не выказал прежней удалости. Едва началась чума, как он, забыв свой долг, в смятении бежал из Москвы в свою родовую деревню. Дурному примеру последовали гражданский губернатор, комендант, полицмейстеры.

Город, брошенный на произвол судьбы, являл страшное зрелище. Как писал очевидец, «чернь предалась буйству, насилиям, грабежам. Пошел слух, что болезнь нарочно распространяют лекаря. Тогда заболевших стали прятать, не сооб-

щать об оных. Кабаки были наполнены негодьями, и пьяные, выходя оттуда, заражали один другого. Повсюду валялись незахороненные трупы. Мародеры бросались на них, ища деньги и прочую добычу, но находили для себя лишь неминуемую смерть».

Мать и отец Насти, верно служившие своим господам, охраняя их покой и безопасность, тоже заболели и в страшных муках на глазах дочурки скончались. Их хозяева с покойными поступили просто: приказали выбросить трупы на дорогу.

Случай был не единичным. Так что 26 августа 1771 года императрица Екатерина II обнародовала указ: «Известно Ее Императорскому Величеству стало, что некоторые обыватели в Москве, избегая докторских осмотров, не только утаивают больных, но и умерших выкидывают на публичные места. Такое злостное поведение навлекает на все общество наибедственнейшие опасности... Если кто в таком преступлении будет открыт и изобличен, таковой без всякого милосердия будет отдан вечно в каторжную работу. О чем сим и публикуется».

Каждому свое

На Парамоновых кто-то донес. Не миновать бы родителям капитана лишения всех прав состояния и каторжного лиха (указы у нас и прежде на первых порах рьяно исполнялись), да сами они в остроге заразились чумой и отдали богу душу. А дело шло к своему концу, чума на Москве уже прекращалась. Капитан продал свой московский домик, девочку-сироту вместе со своей старой няней забрал в Питер.

Няня вполне заменила мать, была с девочкой нежна и заботлива. Она часто повторяла: «Дети – это посланцы Божьи, кто их обидит, того Господь покарает!»

Но вот грянула новая беда – в одночасье померла няня, ее похоронили на Смоленском кладбище. Теперь Настя стала заменять няню, стирая капитану белье, бегая по лавкам, готовя провизию.

И вот капитан не без сожаления прощался со своей малолетней рабыней. В его загрубелом сердце вдруг родилось раскаяние. Оставшись один, Парамонов проклинал – в который раз! – свою несчастную страсть к игре, скрежетал зубами:

– Фу, мерзость! Как я не мог видеть всей гадости моего поступка – проиграть сироту черт знает кому! Ведь этот майор какой-то отщепенец, он не нашей веры, на иконы не молится. Изувер немецкий!

Затем он потряс надо ртом штоф, который оказался пустым, и утешился старыми кислыми щами, испив через край чугулька. «Что делать, – уже спокойно подумал капитан, – видать, у Насти судьба такая. Каждому свое!»

Он прошел за полог, сбросил сапоги, брякнулся на за скрипевшую кровать, и через минуту сильный храп наполнил дом.

Железная Елизавета

Майор Клот покинул Петербург 7 сентября 1777 года, ровно за два дня до печально знаменитого наводнения, когда мутные волны бились о стены Зимнего дворца, а размытые могилы выпустили гробы и утопающие цеплялись за них.

Майор направился через Ригу в сельцо Царнау. Там находилось небольшое имение его жены Елизаветы Стернстраль, дочери палача.

Этой даме было под сорок лет. Елизавета относилась к тем натурам, на которые в молодом возрасте природа наносит тонкий слой красоты, от которого после замужества и рождения уже первого ребенка не остается и следа. Высокого роста и по этой причине постоянно сутулящаяся, с жидким пучком белесых волос, мелкими чертами лица, с остреньким носиком, она все же упрямо считала себя неотразимой.

Во всяком случае, Елизавета была энергична и предприимчива. Именно благодаря этим качествам ей удалось упрямить, умолить петербургское начальство позволить мужу занять освободившееся место начальника местного военного гарнизона. Она знала читать и писать, хранила у себя несколько книг и слыла среди местного бомонда женщиной весьма просвещенной.

Занятием своего отца Елизавета не только не тяготилась, но даже весьма гордилась. Когда ей было всего лет пять, отец

взял ее на экзекуцию, которую совершал над провинившимся крестьянином.

Экзекуция заключалась в том, что крестьянина – тщедушного, лет пятидесяти – привязали к деревянной кобыле, и отец Елизаветы не торопясь, с какой-то залихватской ловкостью поддегивал кнутовищем, наносил удары, отчего на костлявой спине появлялись длинные вспухшие следы. После десяти ударов вся спина была в крови, затем на лопатках отслоилась кожа. Не выдержав назначенных ему тридцати ударов, крестьянин испустил дух.

Елизавета была в восторге:

– Как, папочка, ты его ловко прихлопнул!

Палач самодовольно усмехнулся:

– Знай наших!

Уроки молодым

– Мое дело – сторона! – рассуждал в тот вечер за обедом отец. – Мне предписано наказать – я и наказываю. У меня должность такая. Не я, так другой найдется, еще хуже будет. А без наказаний никак нельзя, народ и так нынче совсем распущенный, начальства перестал бояться. На все есть закон!

Елизавете понравилось ходить на экзекуции, которые совершал отец. Уже выйдя замуж, она не оставила этого развлечения.

* * *

Однажды должны были вешать мужика, обвиненного в грабеже.

Елизавета взяла с собой дочь Кристину. Они приехали в Ригу, заняли среди зрителей места поближе к эшафоту. Кристина со страхом и любопытством наблюдала, как возвели на высокий эшафот молодого парня, бледного от ужаса, едва стоявшего на подгибающихся ногах. Дед девочки, одетый в обычную кумачовую рубаху, поставил парня на табурет, засунул его голову в веревочную петлю (которую Елизавета добросовестно намылила еще накануне) и табурет с силой толкнул. Раздался короткий сдавленный крик, и парень, задрав под напором петли подбородок к небу, долго трясся в

мелких конвульсиях. Из носа, ушей и рта побежали струйки крови.

Кристина заплакала:

– Страшно!

Елизавета наставительно произнесла:

– Большинство людей – черви, скопище негодяев. Если некоторых из них время от времени не давить, они распускаются вовсе и не дадут жить честным людям, как мы. Пусть чужие стоны доставляют тебе радость! Поняла? – И Елизавета нежно поцеловала дочь.

Теплая встреча

Елизавета презирала своего мужа и не скрывала этого. Словно гипнотизер, глядя не мигая на его переносицу, Елизавета неоднократно говорила:

– Христер, неужели ты сам себя считаешь мужчиной? Твои сверстники успели стать полковниками и генералами, живут в богатых домах, ездят в роскошных каретах, а ты... – Она презрительно сплевывала. – Ты, Христер, пирожок с дерьмом. Я не пущу сегодня тебя на мою постель.

Майор униженно сопел и не смел возражать: свою супругу он боялся. Про ее сестру Магду шел слух, что она травит своих мужей. Действительно, за одиннадцать лет трое умерли во цвете лет – все отравились грибами. Майор боялся, что его милая Елизавета учинит с ним нечто подобное.

Но на сей раз встреча была радостной.

– Ах, пупсик, ты стал исправляться! – восхищалась супругом Елизавета. – Так это наша крепостная девчонка? А ты купчую правильно оформил? Молодец, сегодня мы спим вместе. А ты, – обратилась она к Насте, – будешь делать все, что я прикажу тебе. Иначе – держись! – И для начала Елизавета пребольно ущипнула девочку, от неожиданности вскрикнувшую.

– Она хорошо шьет! – хвастливо сказал майор.

– Прекрасно! Пусть сошьет сегодня мне ночную рубаху,

завтра тебе...

– И мне, и мне, – потребовала Кристина, с любопытством наблюдавшая за этой сценой.

– Всем сошьет, – заверила Елизавета. – Иначе накажу и кормить не буду. Пусть живет в комнатушке Анны, там лавка есть.

Кристина принесла иглу и нитки, Елизавета дала Насте полотно и образец:

– Держи, шей по этому размеру. Да чтоб к ужину было готово!

Голгофа

Усталая, некормленная девочка принялась за шитье. Глаза слипались, руки плохо держали иглу. К ужину сшить рубаху она не успела.

Елизавета, казалось, обрадовалась этому. Улыбаясь, она сказала:

– Вот и мило! Сегодня ты будешь распята. – И повернула лицо к мужу: – Позови работников, они сейчас в конюшне. Пусть принесут оглоблю, она возле яслей стоит. Пошли вниз, в столовую.

По каменной лестнице спустились в подвал. Здесь Елизавета сорвала с девочки платье, обнажила ее тельце, приказала конюху и истопнику:

– Привязывайте, да покрепче. Пусть москали знают, что мы с ними шуток не шутим.

Мужики растянули руки Насти вдоль оглобли, веревкой накрепко привязали их и подняли ребенка над полом, зацепив концы за выступы на стенах.

– Ой, больно! – закричала Настя, беспомощно повиснув в воздухе. Веревки впились в тонкие ручонки, вызывая нестерпимые мучения.

Все расхохотались, а Кристина, подбадриваемая мамашей, ухватившись за ноги Насти, повисла на них. Девочка хрипло застонала.

– Будешь тут до утра, – заверила Настю Елизавета. – И запомни: это воспитание малое, а есть еще и большое. Боюсь, что тебе придется испробовать и его. – И обратилась уже к шестнадцатилетней прислужнице Анне Бах, не принимавшей участия в общем веселье: – Накрывай на стол. Пора ужинать. А эта ленивая негодяйка пусть смотрит на нас и пускает слюни.

Воспитатели

Итак, «шитье» рубах сделалось для Елизаветы Стерн-страль предлогом для ежедневных «воспитательных мер»...

Провисев подвязанной к оглобле часа три, Настя потеряла сознание. Очнулась она в комнатухе у Анны Бах, которая смачивала ей виски уксусом и со слезами на глазах ухаживала за маленькой мученицей.

На другое утро Елизавета растянула рот в улыбке:

– Как изволила спать, Трина? Сон был крепкий? Неужто плохой? Ай-ай! Это оттого, что ты, красавица, плохо работала. Вот тебе материя, нитки, иголки. Сшей по этому образцу рубаху своему хозяину. И не вздумай лениться, иначе придется мне применить к тебе обещанное большое воспитание.

Вновь оросилось слезами лицо девочки, да ничего она не ответила, старательно принялась за работу. К вечеру сумела-таки сделать невозможное – сшила для майора рубаху. Суставы мучительно ныли, спина болела.

– Значит, я права, – уставилась на девочку бесцветными глазами Елизавета. – Ты шить можешь, а вчера не хотела. Христер, иди сюда, примерь обновку. Вот так, рукав одерни. – Вдруг Елизавета прошипела: – А это что, почему манжет косой? Ты, мерзавка, назло мне испортила материю? Ничего, я знаю, как взыскать с тебя. Дай руку! Кристина, девочка, завяжи ей пальцы нитками. Анна, закрути пальцы паклей

и жги лучиной.

Анна Бах помертвела от ужаса, прошептала:

– Я не могу, нет, нет, я не буду!

Майор, стоявший сбоку, ударом кулака разбил нос Насте.

Кровь брызнула на сшитую рубаху. Он проревел:

– Я буду избивать эту паршивую Трину до той поры, пока ты не выполнишь приказа госпожи! Поняла, Анна? – Майор заискивающе посмотрел на супругу.

Та кивнула:

– Да, эта гнусная девчонка нарочно измарала кровью рубаху. Христер, держи крепче Трину, Анна, жги лучиной паклю. Ну?

В дело вмешалась Кристина:

– Мамочка, давай я буду жечь лучиной, дай сюда, противная Анхен!

Майор держал в объятиях ребенка, дочь его жгла паклю, в которую были замотаны пальцы. Сначала, когда огонь прошел до мяса, Настя дикими криками оглашала дом, потом враз замолчала, потеряла сознание.

– Хватит, пошли пить чай! – пригласила Елизавета. – Другой раз умней будет...

Из судебных протоколов

Теперь, дорогой читатель, мы подошли к сценам, при описании которых в старину говорили: «Рука опускается, перо замолкает...» По причине этой нам придется прибегнуть к воспроизведению документов:

«Как по свидетельским показаниям оказалось, после того, как девочке паклей жгли до кости руку и от вышеописанной муки пальцы еще не зажили, она опять худо шила. Тогда майор Клот приказал девку Трину догола раздеть и посадил в моком погребе на целых восемь дней. И хотя она ужасно кричала и жаловалась, что ей холодно и что она голодна, однако избавления себе не получила... Другой раз майор Клот, рассердясь, сек Трину розгами до крови, а потом горничной девке Анне велел насыпать большую грудку соли и, помянутую Трину раздев донага и связав ей назад к затылку руки к палке, стянув притом и ноги, положил покрытое кровью тело на соль, к чему особливо большие куски выбраны были, дабы они в раны войти могли и разъедать тело. При этом сам майор и майорша били Трину плетью, продержав в этом мучении до рассвета.

Они же неоднократно затягивали Трине пояс столь крепко, что весь живот у нее кверху выжат был и создавались большие затруднения дыханию. Потом девка Анна, по приказанию майорши, стоявшей всегда с плетью, пришивала к

телу Трины пояс большими иглами. И как иглы, преломившись, оставались в теле, то доводили Трину до боли жутчайшей, как и сам пояс, оставленный пришитым на четыре часа. Затем пояс ножиком спарывали, а нитки оставались в теле, образуя большие гнойники. Майорша самолично засыпала в эти гнойники соли.

Когда однажды Трина без позволения поела, то майор, раздев ее донага, в десять часов вечера вывел во двор, привязал к сосне и держал на лютой стуже до шестого часа утра. Будучи отвязанной, девица оказалась без сознания.

Тогда майорша приказала обварить Трину кипятком, что делала ее дочь...»

Описания пыток заняли много страниц. Приходится удивляться, как слабое создание – голодная и плохо одетая девочка – так долго выносила эти нечеловеческие страдания. Когда после очередной казни Настя не сумела по приказу майора подняться с пола, он насмерть забил ее ногами.

Лекари Трейблер и Траугард в угоду мучителям сделали медицинское заключение, в котором утверждали, что девочка скончалась от желудочной болезни. Настю похоронили. Казалось, концы этой страшной истории навсегда спрятаны в воду, но случилось иначе. Кара ожидала злодеев.

Эпилог

Весною 1778 года через сельцо Царнау по делам службы проезжал президент Государственной медицинской коллегии Алексей Ржевский. Ему-то и рассказала о мученической смерти Трины (Насти) Анна Бах.

Было возбуждено следствие. Трейблер и Траугард чисто-сердечно признались, что они тело не осматривали, заключение написали по просьбе майора Клота.

Новая комиссия произвела эксгумацию. Гробик с останками бедной Насти подняли на свет божий. Медики пришли к выводу, что «смерть наступила вследствие многочисленных побоев и мучений». Нашлись свидетели, которые рассказали о зверствах супругов Клот. Решением Сената они были лишены всех прав состояния и отправлены на вечное поселение в Сибирь (Екатерина избегала применять смертную казнь).

Что касается бывшего владельца Насти, то капитан Пармонов кончил плохо. Проиграв казенные деньги, он повесился. Так оправдалось мрачное предсказание Клота, предлававшего «не выбрасывать веревку».

Лунная дорога

Это преступление в свое время взбудоражило не только всю Курскую губернию, но и дошло до самых высших государственных кругов. Даже государь Александр Николаевич изволил обратить на случившееся свое монаршее внимание. Он устроил нахлобучку чинам полиции, а министру императорского двора графу Владимиру Федоровичу Адлербергу сказал, глубоко вздохнув: «Русский человек, думаю, правильно говорит: „Бывает рок, что вилами в бок!“»

И то сказать: от своей судьбы далеко не убежишь.

Коновал

Матвейка Фролов с раннего возраста ощущал сильное влечение к лошадям. Конюхи поначалу гоняли его, ругались. «Чего тут, малец, крутишься? Вдарит лошадь копытом, тогда узнаешь!» Но Матвейка – мальчишка настырный. Его в одни двери гонят, а он, шельмец, уже в другие лезет. Так и махнули рукой, тем более что мальчишка усердно норовил помогать: то навоз из денников уберет, то воды принесет, то лошадь скребницей вычистит.

Будучи переимчивым, к семнадцати годам он научился копыта расчищать, кровь лошадям и скотине бросать, насысы спускать. Мази собственного изобретения приготавливал, которые хвори лошадиные как рукой снимали.

Слава про юного коновала пошла. Стали его наперебой крестьяне приглашать, заработки начались хорошие. Оно и кстати, ибо после смерти отца в 1851 году у Матвея на руках оказались четверо меньших братишек и сестренка: всех одеть-обуть надо, а матери одной не справиться.

Но настоящее счастье привалило после следующего случая. В деревне Рядново, где жил Матвей, приказчиком был пятидесятилетний мужик по имени Федул Парамонович, а по кличке Генерал. Деревенские так прозвали его за высоченный рост, осанистую фигуру и зычный, прямо-таки трубный голос. Завидя как-то Матвея, он поманил его пальцем:

– Иди-ка сюда, раб Божий! Уж очень много о тебе разговору идет, будто ты коновал умелый. Посмотри-ка моего коняку. Что-то стал он на левую ногу припадать.

– Вы б показали болезнь дяде Леонтию...

Леонтием был барский кучер, который брался лечить любые болезни – что у людей, что у скотины. После его лечения пациенты порой выздоравливали, а порой заболевали еще больше или вовсе помирали. Но сельский люд все равно шел к Леонтию, который лечил по наитию, то есть скверно, но любил эту свою деятельность и корысть имел немалую.

Волшебные руки

Приказчик не любил Леонтия после того, как тот до смерти загнал породистого скакуна из его конюшни. Он пользовался каждым случаем, чтобы выставить старого коновала в невыгодном свете. Вот и теперь Генерал презрительно усмехнулся:

– Твой Леонтий лошадь позади телеги запрягает, а ты хочешь, чтобы я к нему пошел. Ни в жисть! Тебе я доверяю, значит, ты оправдывать себя должен. Пошли ко мне...

Матвей осмотрел коня, нашел у него на копыте какой-то нарост, что-то вырезал, что-то прижег, помазал рану чем-то зеленым и приказал:

– Вы, Федул Парамоныч, его три дня не запрягайте. Пусть на воле погуляет. Коняка отменный, резвее прежнего побегит...

Все по словам Матвея исполнилось: всю хворь с коня как рукой сняло. Приказчик был счастлив:

– Ну, брат, уважил ты меня! Сколько тебе должен?

Матвей денежки любил. (Впрочем, кто их не любит?!)

Но он благоразумно ответил:

– Чего уж там! Я коняку пользовал из одного уважения к вам...

– Спасибо! – обрадовался Генерал. – За мной долг не заржавеет.

И точно, вскоре он сумел отблагодарить Матвея по-княжески.

Любовь к путешествиям

Владелицей Рядново и ста семидесяти трех крепостных душ, деревню населявших, была тридцативосьмилетняя вдова Наталья Дмитриевна. Единственная дочь богатых помещиков, она получила обычное, то есть домашнее, воспитание: умела вышивать гладью, рисовать в альбоме, играть на фортепьяно и читать французские книжки.

Когда девице исполнилось шестнадцать лет, она вдруг испытала сильнейшую тягу к путешествиям. Родители во всем потакали своему детищу и вместе с ним года два колесили по Дании, Германии, Италии, Франции. Осенью 1836 года все семейство находилось в Париже. Тут они как-то зашли в контору дилижансов Лафитта, чтобы взять себе места на Вену.

И здесь отец Натальи Дмитриевны встретил сына знакомого помещика, для чего-то забравшегося в полном одиночестве на берега Сены и киснувшего от скуки. У молодого человека была приятная наружность, высокий кок и обольстительные манеры. Звали его Николай Николаевич Калужный, и он был приглашен путешествовать совместно. Результатом этой поездки стала помолвка и последовавшее за ней венчание.

Супруги зажили счастливо. Зиму они проводили в Курске, где у Натальи Дмитриевны был большой барский дом

со службами, с конюшней и регулярным парком, украшенным гротом, живописными руинами, водопадом и беседкой «Нежные вздохи». На лето перебирались в Рядново.

Молодая вдруг испытала новое сильное влечение. На этот раз к делам хозяйственным. Строгий и величественный Генерал служил ей не за страх – за совесть. Он следил за отработкой барщины, своевременно взимал недоимки, вовремя поставлял рекрутов. Николай Николаевич тоже не сидел без дела. Он часто наезжал в деревушку Викторовку, что в Больше-Неплюевской волости, доставшуюся ему от тетки Шеншиной. Основал там две школы, где учились крестьянские детишки. Выписал из большого села Николаевка фельдшера, который бесплатно пользовал местных жителей.

– Какие мы с тобой счастливые, Николя! – часто повторяла Наталья Дмитриевна. – И мне все время кажется, что должно произойти несчастье...

– Пустяки! – утешал ее муж. – Я поеду на покосы, проверю. Так что к обеду не жди.

Примятая трава

Сердце Наталью Дмитриевну не обмануло. Беда нагрянула после семи лет счастливого супружества.

Летом 1843 года в Рядново на ночевку остановились уланы. Гостеприимные супруги Калужные пригласили офицеров на ужин. Один из гостей напился, безобразничал, и посмеивающиеся товарищи его не унимали. Когда нахал сказал какую-то сальность в присутствии Натальи Дмитриевны, Николай Николаевич, не сдерживая себя, стукнул того тростью.

Стрелялись на рассвете в ближайшем лесочке. С расстояния десяти шагов Николай Николаевич попал обидчику в левое плечо. Улана это не отрезвило. Он хладнокровно навел оружие убийства в грудь того, чей хлеб он вкушал еще несколько часов назад, и спустил курок...

Наталья Дмитриевна узнала о случившемся слишком поздно. Когда она прибежала на место дуэли, то увидала мужа, лежащего на примятой траве. Он успел слабо улыбнуться и прошептать:

– Прощай, милая! Я очень любил тебя...

Орошая его лицо горячими слезами, она приникла к холодеющим устам.

Вдовьи хлопоты

Пришла беда – отворяй ворота. Вскоре после Покрова от апоплексического удара скончался отец Натальи Дмитриевны. Матушка ненадолго пережила своего мужа – ее не стало в январе 1844 года.

Двадцатипятилетняя вдова-красавица осталась одна-одинешенька на всем белом свете. Местом ее добровольного заточения стало Рядново. Подвигом – не устанные труды. Она продала дом в Курске и наезжала в этот шумный губернский город лишь изредка и по неотложным делам.

Вокруг богатой вдовушки увивалось немало женихов, но она всем отвечала решительным отказом. После умного и благородного Николая она не могла никого представить в роли своего супруга.

Так незаметно, за сельскими трудами и заботами, пробежало более десяти лет. От постоянного пребывания на свежем воздухе потемнела бывшая некогда нежной кожа, загрубели руки, потучнела фигура. Теперь уже никто не сватался, да и сама Наталья Дмитриевна приняла решение навсегда остаться одинокой.

Но если в дневное время удавалось заглушить голос плоти, то по ночам страстная натура брала свое, тревожа беспокойными снами.

Однажды Наталье Дмитриевне потребовалось ехать в Фа-

теж. Она приказала:

– Пусть Леонтий запрягает!

Кучера, однако, нигде сыскать не удалось. Ясность внес появившийся в барской гостиной приказчик. Он пробасил:

– Извольте знать, Наталья Дмитриевна, что ваш Леонтий живет весело. Опять себе праздник устроил. Нализался в стельку. Свинья, право. Валяется в конюшне, прямо на сене. Я давно говорю: его надо отправить в помощь мельнику. Пусть там мешки таскает, корячится. – И приказчик тяжело вздохнул, добавив с самым покорно-притворным выражением: – Впрочем, воля ваша...

– Не учи меня, – стараясь быть строгой, произнесла барыня. – У Леонтия пятеро детей, куда я оторву его от семьи? Лучше скажи: кто меня повезет нынче?

– Матвей Фролов, не иначе. Молодой, но сурьезный. Приказать ему закладывать лошадей?

Наталья Дмитриевна уже успела сама обратить внимание на рослого широкоплечего парня цыганистого типа, с львиной гривой смоляных волос, со спокойным и смекалистым лицом, мало похожим на крестьянское. Предложение приказчика ей весьма пришлось по душе, но она равнодушным тоном произнесла:

– Ты советуешь? А он справится? Ну пусть, Федул, станет по-твоему. Сегодня вторник, значит, в пятницу вернусь. Проследи, чтобы луговину за оврагами хорошо выкосили, не как в прошлом году, с огрехами.

Крушение карьеры

Вместо трех дней барыня провела в Фатеже больше недели. И, вернувшись, первым делом приказала:

– Матвея – в кучера, Леонтия... пусть коновалом действует.

Приказчик, мывший в руках клеенчатый картуз, с досадой сказал:

– Эх, барыня, из Леонтия такой же коновал, как из моего бурака безмен! Лошадей только перепортит.

– Я сказала!

Через полчаса перед барыней появился мелкорослый криковатый человечек с большой и несимметрично развитой головой. Это был Леонтий. Он прогундосил:

– Почто, васество, мене из кучеров выгнали? Уж я служил-служил...

Наталье Дмитриевне неприятно было обижать Леонтия. Поэтому она произнесла как можно мягче:

– Ты, Леонтий, был неисправным кучером. То новую упряжь пропил, то карету прошлой зимой перевернул...

– Напраслина, васество! Я виновный, что на дороге – колдобина? Да я...

– Дело решено, и об этом говорить не будем. Я тебя поставила на хорошее место, вот и старайся.

Леонтию было весьма досадно терять почетную и при-

быльную должность. Вся деревня знала, что Леонтий тащит из барской конюшни сено и овес, подторговывает ими и на эти деньги пьянствует. Бывший кучер еще раз поклонился госпоже и, пятясь, вышел за дверь.

Любовь

Прошло три года. Наталья Дмитриевна души не чаяла в красавце кучере. Да и то сказать: лошади у Матвея всегда были здоровы, сыты, отлично подкованы, экипажи содержались в совершенном порядке.

Стала барыня и о его будущем задумываться. Раз в году к ней приезжала погостить племянница Серафима Лавровна Лигина, проживавшая обычно в Курске. Ее сопровождала совсем юная девица-сирота, пятнадцатилетняя Параша. Между нею и Матвеем вспыхнула горячая симпатия.

Наталья Дмитриевна и Лигина решили:

– Пусть Параша войдет в невестин возраст, и тогда сыграем свадьбу!

Вся деревня завистливо ахнула, когда барыня сделала царский жест – подарила Матвеем тройку отличных лошадей и позволила взять в Фатеже подрады.

Фекла, мать Матвея, раззвонила по всей округе, каждому встречному-поперечному говорила:

– Барыня мне секретно сказала: мол, не печалься за сыночка. Дам ему и вашей семье вольную! Дескать, облагодетельствую к Рождеству. И невесту, сказывала, уже подобрала – заглядишься! С приданым хорошим. А красавица – хоть воду с лица пей! Да и мой Матвей – не пальцем деланный. И мощну, барыня говорит, с золотом к свадьбе пожертвую!

Вот истинный крест, чтоб с этого места не сойти.

...Тем временем Наталья Дмитриевна решила расстаться с деревней Викторовой, доставшейся ей после смерти мужа. Мартовским утром 1858 года, помолившись на дорогу, она отправилась вместе с Матвеем в путь – для совершения купчей и получения денег. Провожавший их Генерал в какой раз повторил:

– Барыня, ведь цельный капитал повезете! Взяли бы кого для обороны. Дорога лесная, не ровен час – лиходеи какие найдутся. Народ нынче распоясался...

– У нас вот что есть для обороны... – И, наклонившись, Матвей достал из-под сиденья старинный дуэльный пистолет времен Александра Благословенного. – Нам разбойнички вместо развлечения пригодятся.

Болтавшийся рядом Леонтий презрительно фыркнул:

– Налетят в темноте с кистенями да ножичками, так твоя орудия и не к делу окажется.

– Ну хватит болтать! – оборвала барыня неуместный разговор. – Трогай, Матвей.

Путь лежал в уездный город Фатеж.

Наталья зябко закуталась в меховую ротонду – подарок Лигиной.

Путники в ночи

Над миром царила тихая весенняя ночь. Сквозь разошедшиеся облака ярко светила луна. Природа источала тот аромат, который бывает только в это время года, – влажноватый, пропитанный запахом земли и деревьев, зовущий к любви и грезам.

Сторож волостного правления вкушал крепкий сон, прилгавшись на кожаном диване и накрывшись овчинным полушубком. Вдруг кто-то тревожно застучал в окно. Сторож заспешил в прихожую, отодвинул тяжелый засов. На пороге, косо освещенном лунным светом, стоял высокий парень в ямщицкой шубе. Он нервно выдохнул:

– Где начальство? Зови скорей!

– Чего такое?

– Вез барыню, а она... исчезла.

– Ну канцелярия! Постой тут, на крылечке. Сей же миг сбегая за Винклером, это наш становой пристав.

Минут через пять явился Винклер – высокий, прямой, с офицерскими погонами, говоривший быстро и отрывисто:

– Кто такой? Что произошло?

– Я крестьянин деревни Рядново Матвей Фролов. Мы нынче домой возвращались. При барыне большие деньги были. Выехали позже, чем следовало.

– Почему так?

– Барыня приказала. Хорошо луна дорогу освещала, прямо в лоб смотрела. Когда после лощины лес начался, барыня говорит: «Матвей, поезжай шагом! Красота вокруг, дескать, изумительная. В воздухе благорастворение...» Я держал лошадей. И сам вскоре задремал на козлах. Потом меня словно в бок толкнуло. Говорю: «Барыня, что-то на душе муторно. Может, ходу дать? Лошадки наши свежие!» В ответ – ни звука. Остановился, прыгнул с козел – дух замер: дверца открыта! Заглянул – никого, на полу пошарил – тоже. Хлестанул лошадей – прямиком к вам.

Пристав хитро щурил глаза и вдруг рывкнул:

– Руки подыми, собака! Выше... Почему у тебя на правой руке и рукаве кровь? Куда, негодяй, труп спрятал?

– Ка-кой труп? – Лицо Матвея выразило крайнее удивление. – Ведь сам к вам приехал...

– Это хорошо, что с повинной пришел. Но суд учтет это, если все честно, без утайки расскажешь: чем убивал? Сколько украл? Куда деньги спрятал? Были ведь сообщники. Где они? Говори, если не хочешь, чтобы ребра тебе пересчитал! Молчишь? Тем хуже для тебя!

Загадка

Утром начались поиски. Легко обнаружили место, где выволакивали Наталью Дмитриевну из кибитки. Здесь снег в лощинке был густо залит кровью. По следам крови нашли и труп: раздетая почти догола женщина валялась на дне ближайшего оврага. Горло ее было зверски перерезано и едва ли не напроочь была отхвачена голова. Исчезли пять тысяч рублей и многочисленные драгоценности, украшавшие Наталью.

Винклер самолично поехал делать обыск в доме Матвея. И здесь блеснул истинно собачьим чутьем. Едва войдя в хату, обратил внимание на старую поддевку, висевшую на гвозде. Запустил руку в карман и ахнул от восторга:

– Вот оно, доказательство преступления!

В руке у Винклера сияла множеством бриллиантов золотая брошь. Федул Парамонович признал ее:

– Покойной барыни вещица! Когда уезжала, на ей надета была.

Матвей появление броши в своем доме объяснить не умел:

– Невероятно, ума не приложу, откуда в поддевку попала...

– Ах, бедненький! – Винклер едва не прыснул от смеха. – «Ничего не знаю, ничего не видел!» Да я такую песенку от

каждого бандюги уже лет двадцать слушаю. – И вдруг он опять изобразил зверское лицо: – На дыбу вздерну! Запору! – И ударом кулака расквасил Матвею нос. – Обыскать! И в кутузку.

Началось следствие. Оно напоминало те разбирательства, которые стали нормой после октября 1917 года: истина совершенно не интересовала слуг Фемиды, требовалось во что бы то ни стало послать на каторгу того, кто попался в руки палачей в кителях.

Оковы тяжкие

Суд был скорым. Председательствующий Берг, у которого накануне обострилась старая язвенная болезнь, ждавший со дня на день указа о выходе на пенсион по выслуге лет и гордившийся своей строгой справедливостью, отправивший за четверть века на каторгу не менее сотни несчастных людей, со скукой и ради протокольной необходимости задавал вопросы:

– Ты, Фролов, продолжаешь утверждать, что барыня приказала ехать шагом?

– Так точно. – Матвей с надеждой посмотрел на старого лысого человека в форменном мундире, надеясь, что уж он-то разберется в этой жуткой истории и отпустит его домой.

– Но ведь это глупо. Женщина за день устала, хочет скорее попасть под крышу родного крова, везет громадные деньги. Она, припомни, сказала другое: «Давай, мол, поезжай быстрее! Кругом леса, опасность великая». Так ведь? – Судья испытующе глядел на Матвея.

– Никак нет, барыня сказала: «Поезжай шагом, ночь уж очень хороша!»

– Ага, значит, хочет любоваться звездами, а сама вдруг засыпает!

Судья скривил рот в саркастической улыбке, пытаясь скрыть вдруг поразившую желудок резь. Он поманил паль-

цем сторожа, любопытства ради сидевшего в первом ряду, и шепнул ему: «Принеси-ка мне из моего шкафчика соды, в белом пакетике. И воду в графин налей!»

– Ну-с, – судья вновь повернул голову к подсудимому, – барыня, говоришь, заснула. Пусть спит, ее дело хозяйское. А как же ты, Фролов, мог дрыхнуть на козлах? Статочное ли дело? А если лошади понесут?

– Не понесут.

– Конечно, что им нести, когда ты лошадок остановил, барыню зарезал и в овраг сбросил!

– Говорю вам, я не убивал! – нервически выкрикнул, едва не расплакавшись, Матвей.

– Не ты, так твои сообщники. Иначе как могла брошь барыни попасть к тебе в дом? – Резь в желудке опять сильно обострилась. Судья не удержался, застонал, но тут же выправился и даже пошутил: – У броши, кажется, ножки не выросли, она сама не могла прибежать, и руки твои были перемазаны кровью...

Матвей, мявший в руках шапку, с отчаянием проговорил:

– Зачем вы меня путаете? Как же я мог убить Наталью Дмитриевну, когда она моя благодетельница? Ведь она не только мне тройку лошадей отказала, которыми Винклер все меня срамил, дескать, какой я бессовестный, за добро черной неблагодарностью отплатил. Барыня составила духовную запись, по которой завещала мне в случае ее смерти большой земельный надел – как раз у нашего лужка. Да еще

десять тысяч рублей, да освобождение от крепости. Она об этом сама мне сказала.

Судья, изощрившийся в умении ставить подсудимым ловушки, от этого неожиданного откровения прямо-таки остолбенел, а затем, забыв про боль в желудке, радостно потер ладони:

– Ну вот, наконец-то! Что же ты, Фролов, раньше молчал?

Матвей расплылся в счастливой улыбке. Он решил: «Слава тебе, Господи! Как ни будь резва ложь, а от правды все равно не уйдет. Дошло до судильщика, что я невиновный...»

– А я думал, что вы знаете, – благодушно, продолжая улыбаться, сказал Матвей. Он хотел было выйти из-за деревянной перегородки, посчитав, что уже может быть свободным, коли правда прояснилась. Но солдат штыком перегородил ему дорогу: «Стоять!»

– Ты это куда собрался? – ласково спросил судья. – Домой ты придешь попозже, когда старичком станешь. Слышал поговорку: «Рада бы курица на свадьбу не ходить, да за крыло сволокли»? – Опытный и неглупый человек, судья и сам не верил, что этот симпатичный простодушный парень мог убить помещицу Калужную. Но кого-то следовало за преступление судить, чтобы высшее начальство плохо не подумало о служебном рвении тех, кто вел предварительное следствие, да и о самом себе хотелось оставить память как о принципиальном и проницательном юристе. Все указывало против Фролова, хотя кое-что из дела было не очень ясно.

Но рассказ подсудимого о завещании позволял свести концы с концами. Судья сказал, вроде бы обращаясь к подсудимому, но на деле адресуясь к прокурору:

– Ты соблазнился всеми выгодами, которые на тебя, Фролов, свалились бы в случае смерти Калужной. По-человечески тебя понять можно. Сегодня крепостной – завтра вольный и богатый. Замечательно! Но убивать – грех величайший...

Огласили приговор. За умышленное убийство с корыстной целью, с отягчающими обстоятельствами, крестьянин Матвей Фролов, 1836 года рождения, прежде не судившийся, холостой, отправлялся на каторжные работы сроком на двенадцать лет.

Так Матвей оказался в Нерчинских рудниках.

Бог правду видит

Уже пять лет Матвей Фролов находился в заточении. И каждый день лишения свободы был для него истинным мучением, равным едва ли не мукам пытаемого каленым железом. Сознание собственной невинности удесяттерало душевные страдания.

Лицо его стало землисто-серым, грудь впалой, надрывный кашель перехватывал дыхание. Порой Матвею являлась во сне Параша, существо неземной красоты. В своих грезах влюбленные всегда были вместе. Но страшны были пробуждения – среди несчастных людей, метавшихся на нарах, дышавших гнилым воздухом.

«Нет, – говорил себе Матвей, – никогда тебя, милая, более не увижу, не увижу твоего доброго лица, никогда не коснусь твоей руки!»

Но никому не дано ведать высшего Промысла. Каждому посылается испытание по силам, и порой самое страшное положение сменяется легким и радостным.

* * *

...Вдали от нерчинской юдоли печали и воздыханий жизнь совершала свой бег. Серафима Лавровна Лигина вместе с Парашей на неделю приехала в Петербург. Здесь

они пошли в Мариинский театр. Ставили премьеру оперы «Юдифь» Александра Серова. Наши дамы восторгались голосом несравненной Бианки, исполнявшей заглавную партию и приходившейся дальней родственницей Лигиной.

По окончании спектакля возле гардероба Параша вдруг беспокойно подергала Лигину за рукав платья и торопливым шепотом произнесла:

– Взгляните на даму у зеркала! На ней ротонда, которую вы подарили покойной Калужной, в ней ее и убили. Я мех еще подшивала... И наша бархатная крышка. Что делать?

– Позови городского!

– Какие претензии? – спросил явившийся страж порядка. – Снято с убитой? Всех прошу в участок.

Супруг заподозренной дамы заверещал:

– Не смее! Я князь Голицын! Я родственник оберполицмейстера Галахова...

Но упиравшегося «родственника» и всю компанию доставили в участок. Там случайно оказался все более входивший в славу сыщик Иван Дмитриевич Путилин. Увидав «родственника», он воскликнул:

– Какая счастливая встреча! Знаменитый Фунтов к нам пожаловал! Я ведь за тобой, дорогая душа, пять лет гонюсь. Господа, это тот самый отравитель жен, о котором в газетах писали. Менял свою фамилию, женился на богатой, оформлял страховку и сыпал яд. Вас, мадам, он уже застраховал? Стало быть, скоро лежали бы в обрамлении венков на Смо-

ленском кладбище. А пока снимите ротондочку. Спасибо! Какие особые приметы? Да, действительно, здесь снизу ку-сочек оторванного меха.

– Я эту ротонду приобрела у купца Финогенова, что живет на Васильевском острове. Он продал после смерти жены, – объяснила дама.

На другой день купец Финогенов объяснил:

– Купил у буфетчика Патрышева, что торгует в Курске. И еще вот эти золотые часы дамские, браслет и бриллиантовые серьги.

Выяснили, что все это находилось на Калужной в день убийства.

Нагрянули к буфетчику и нашли множество ворованных вещей. Оказалось, что он – родственник бывшего барского кучера Леонтия из деревни Рядново. Буфетчик сразу же признался, что скупает краденое. А предъявленные ценности приобрел у приятеля Леонтия – кабатчика Мартына Колчина.

Всех названных арестовали. Следствие установило: Леонтий после снятия его с кучерской должности затаил на барыню и Матвея лютую злобу. Случайно узнав, что Наталья Дмитриевна едет получать крупные деньги, подговорил на злодейство Мартына Колчина. Тот два дня выслеживал барыню на пустынной дороге. И вот ему повезло: Наталья Дмитриевна и Матвей спали, а лошади шли шагом.

Прирезав барыню, Колчин раздел и обобрал ее, а труп

сбросил в ближайший овраг. Леонтию он передал брошь, а тот уже для отвода глаз подсунул ее в карман поддевки, когда заглянул в дом Матвея. Все остальное Колчин сбыл Патрышеву.

Надо признать, что для тех простодушных времен преступники заматали следы весьма хитро. Если бы не случай, так и сгнил бы на каторге безвинный человек.

Эпилог

Решением Правительствующего сената Матвей Фролов был признан невиновным и восстановлен во всех правах. Он получил завещанный Натальей Дмитриевной земельный надел и десять тысяч наличными. Лигина выделила богатое приданое Параше. На Рождество 1865 года молодых поставили под венец. Вскоре Матвей продал землю в Ряднове, купил небольшой, но уютный дом в Москве на Старой Басманной. Супруги вместе прожили долгую и счастливую жизнь. У них выросло пятеро детей. Старший из мальчиков стал профессором Московского университета.

Тайна тюремного замка

Клонился к закату первый день января 1869 года. По длинному узкому коридору университетского морга двигалась странная процессия. Возглавлял ее потрепанный, явно нетрезвый мужичишка. За ним, осторожно ступая по метлахским плиткам пола, держались два представительных господина. Оба были в новых фраках, белых галстуках, с белыми гвоздиками в петлицах.

Наконец они вошли в небольшой полукруглый зал. Внизу, на невысокой мраморной доске, сидела, чуть согнув ноги, прислонившись к подпорке, молодая обнаженная женщина. Густые белокурые волосы опускались на небольшие груди. Нежная кожа подернулась зеленой разложенью... Мужичишка махнул рукой, хрипло проговорил: «Нам надо дальше, в кладовую».

Драка в камере

Харьковский тюремный замок был переполнен, арестанты раздражены и дерзили начальству, то и дело случались драки. Тех, кого начальство определяло зачинщиками, отводили на несколько дней (в зависимости от провинности) в карцер. Накануне ранним утром, еще до раздачи завтрака, особенно сильная драка произошла в камере под номером 16.

Когда дежурный надзиратель Пономаренко с двумя помощниками вошел в камеру, драка там закончилась. Разгоряченные, еще не остывшие от баталии арестанты поправляли разодранную одежду, подымали с пола упавшие кружки и миски, подушки и одеяла.

– Почему безобразие? – грозно вращая белками, спросил Пономаренко.

Камера никогда не назовет виновных, но порядок требовал виновных выявить и наказать. По этой причине надзиратель продолжил допрос:

– Кто зачинщик? Будете молчать, всех отправлю в карцер!

Возле дверей находились нары Ивана Федулова. Это был невысокий, но складный парень лет двадцати семи, голубоглазый, с копной волос соломенного цвета. В драке ему расквасили нос. Он стоял перед надзирателем, и кровь заливала его серый халат. Надзиратель внимательно оглядел арестантов и особенно долгий взгляд остановил на Иване.

– Почему, Федулов, у тебя кровь? Кто ударил? – спросил Пономаренко.

Федулов знал, что надзиратель не защитит от побоев. По этой причине, да еще из-за обиды, которую ему нанесли, вдруг резко ответил:

– «Почему-почему?» Потому, что кончается на «у».

– Ах, нарушаешь порядок, да еще и дерзишь! – Пономаренко кивнул помощникам: – Отведите его в четвертый номер.

«Четвертым» был карцер, помещавшийся в подвале.

Федулов без ропота, даже с некоторой, казалось, охотой, поплелся в карцер. От товарищей он слышал, что в «четвертом» чисто и сухо. И хотя наказанным давали горячую пищу лишь раз в двое суток и спать приходилось на голом матрасе, но там можно было отоспаться в одиночестве и не видеть грубые лица сокамерников.

Судьба играет человеком

Федулов попал в острог по глупости.

Был он из бедной крестьянской семьи. На селе, где жил Иван, считали его малость блаженным. Поведения он был тихого, дружбу ни с кем не водил. Выпивал, но лишь по праздникам и меру знал.

В том же селе жила первая красавица в округе – Анфиса Кулиниченко. Она была резвой, смешливой, за словом в карман не лезла, умела отбрить любого мужика. К тому же отец ее – сельский староста – владел землями, сдавал их арендаторам, был человеком с большим капиталом.

Многие сватались за Анфису, даже из Харькова приезжали женихи, но все от ворот поворот получили. А выбрала красавица скромного Ивана Федулова.

Все удивлялись, а ее папаша был разгневан такой необстоятельностью, даже хотел было дочку за косу поучить. Только из этого ничего не вышло. Анфиса взвилась:

– Убегом уйду, но за Ваньку замуж выйду.

Смирился Сила Кулиниченко, свадьбу сыграл, Ивана в свой дом взял. Три года молодые прожили ладно, двух дочерей Анфиса родила. В третий раз забрюхатела. Одно неладно: муженек ревнив оказался! Случится, пошутит Анфиса с кем из знакомцев, поговорит о том-сем, так Иван неделю чернее тучи ходит, аппетита лишается.

А на Рождество грянула беда. К Силе Кулиниченко в гости пожаловал волостной писарь, человек бедовый, зубоскал и охальник. За столом говорил он скабрёзости, а затем хлопнул проходившую мимо Анфису по мягкому месту.

Вскочил с ножом в руках Иван и вне себя от ярости ударил писаря в шею. Фонтаном брызнула кровь, забился в судорогах несчастный и дух испустил, а Иван стал арестантом.

Записка

Драка в 16-й камере возникла, как это обычно бывает, из-за пустяка.

Между арестантов случился обыкновенный разговор: дескать, пока мы тут, горемычные, томимся, наши бабы удержу не знают, нам рога наставляют.

С этим тезисом не согласился лишь Иван. Вскочил он с нар, кулаками замахал:

– Вранье! Не все жены такие!

Арестанты начали подтрунивать над Иваном. Тогда он стукнул одного, ну и началась драка.

Все это произошло в канун воскресного дня. Утром потянулись к узилищу люди с кулечками и корзинами – передать близким принесли. Прodelав более чем пятидесятиверстный путь в санях, еще накануне прибыла в город Анфиса. С нею были и две маленькие дочки. Заночевав на постоялом дворе, она с детишками уже спозаранку топталась у тюремной ограды. Обратилась к тюремному чиновнику:

– Дяденька, как бы нам свидание получить. Ему фамилия Иван Федулов, муж он мне, деткам папаша...

Чиновник глянул в толстую амбарную книгу и строго сказал:

– На свидание прав не имеете: заключенный Федулов находится под следствием. Вот когда осудят, тогда и дозvoлят.

Передачку, пожалуйста, в это окошко. – И, заглядевшись на красивое лицо Анфисы, смягчился: – Грамоту знаешь? Можешь написать ему записку, привет передать.

Напрягая все литературные способности, Анфиса вывела: «Ягодка, мой Ваня. Аблокат обещал тебе снисхождение по человечеству от присяжных, потому как вступился за нас, супружницу. Любящие Анфиса и детки».

Чиновник окликнул проходившего мимо Пономаренко:

– Тут приятная бабешка пришла, я разрешил ей привет мужу написать. Нарушение не шибко большое, а все на том свете доброе дело зачтется! Ты еще на дежурстве? Отнеси, пожалуйста, Федулову, да заодно и передачку...

Взглянул Пономаренко на женщину и остолбенел от неожиданности: это была та Анфиса Кулиниченко, которая когда-то отвергла его руку и сердце, спровадив сватов ни с чем. Видел эту прелестницу всего три раза, а крепко запали в душу ее синие глаза, сочные манящие уста. (Пономаренко жил на хуторе – верстах в двадцати от Анфисы.) Женщина не замечала пристального взгляда, на нее устремленного: слишком была погружена в собственные думы. А Пономаренко с горечью размышлял: «Ведь я после твоего отказа с горя запил, а потом ушел на эту собачью работу – в тюрьму!»

Взял он корзину, записку и отправился в «четвертый».

Подметное письмо

Со смотрителем Харьковского тюремного замка Ткачуком случилось странное происшествие. Он вернулся со службы домой в половине четвертого пополудни – календарь показывал 30 декабря 1868 года.

Снял с себя китель и протянул домработнице Гликерии (из заключенных). Та стала его чистить, и под ноги смотрителя упал листок бумаги.

– Что это? – удивился тот. Развернул, прочитал, и глаза у него округлились. Печатными буквами карандашом было написано: «Арестант Федулов вовсе не сам повесился. Это его убили».

– Откуда записка? – вопросительно взглянул на Гликерию.

– Из вашего кармана выпавши.

– Это как понимать? Подсунули, что ли? Напасти этой мне еще доставало! – пробурчал Ткачук, снова натянул на себя китель и отправился в замок. На ходу рассуждал: «Почему мне сообщают о смерти заключенного анонимным способом? Кто и как исхитрился сделать это? Будучи на службе, я не снимал с себя кителя».

Уже в проходной он столкнулся со своим помощником, накричал на него:

– Почему вы мне об убийстве не доложили? Безобразие!

– А кого убили? – изумился помощник.

– В какой камере сидит Федулов?

Помощник справился по книге и доложил:

– Вчера за драку переведен из номера шестнадцать в четвертый карцер.

Взяв с собою корпусного дежурного, начальство спустилось в подвал. Ткачук прильнул к глазку четвертого карцера, ожидая увидеть висящего в петле Федулова. Но зрителя ждала приятная неожиданность: заключенный был жив-здоров и прохаживался по карцеру – из угла в угол.

Начальник отхлопнул «кормушку» – форточку посреди двери, куда обычно ставят еду арестантам. Он наклонился и крикнул:

– С наступающим Новым годом, Федулов!

– Спасибо, и вас тоже! – со спокойным достоинством ответил тот.

Ткачук разогнулся, вытер ладонью пот со лба:

– Вот и хорошо!

О странной записке смотритель никому не сказал ни слова. Про себя со злобой подумал: «Ну, негодяи, нашли над кем шутить! Попадутся мне в руки – шкуру спущу!»

Но не давала покоя мысль: «Как удалось подсунуть записку? В какой момент? И главное – для чего?»

Ответов на эти вопросы не было.

Труп для студентов

Когда на другое утро смотритель прибыл на службу, корпусной дежурный Негода его ошарашил:

– Дозвольте доложить, в карцере арестант повесился!

– В четвертом, что ль? – переполняясь гневом, спросил Ткачук. – Новогодние шуточки?

– Никак нет! Без всяких шуток – висит на решетке в четвертом изоляторе, – проговорил корпусной, удивляясь осведомленности начальства. – Обнаружили в половине седьмого. Был еще теплый.

– Не сняли? Откачать не пробовали?

– Никак нет, инструкцию нарушать себе не позволяем. Раз повесился – пусть висит, пока начальство не распорядится.

Смотритель спустился в подвальный этаж.

Иван Федулов висел на тонкой бечевке, подвязанной к решетке и глубоко вошедшей в задранную шею. Из уха скатилась и загустела кровь. Ноги мертвец словно поджал под себя, чтобы петля могла затянуться. На лице были царапины, под левым глазом большой синяк.

– Да-с, дело неприятное! – выдохнул смотритель. – И, кажется, темное. Откуда эти «боевые знаки» на лице, если он сам забрался в петлю?

– Так это после драки в шестнадцатой, его за это и наказали карцером.

Тяжело задышал смотритель, тягостно размышляя: «Сообщить прокурору? Там ведь Анатолий Федорович Кони, мужик дошлый. Начнет спрашивать: что да почему? Синяки на морде – только ли от драки? Пойди докажи. А где арестанту в камере веревку взять? В каком состоянии одежда? Оторван нагрудный карман слева, нет двух верхних пуговиц, причем верхняя вырвана с мясом. Где все это? – Смотритель оглядел пол, заглянул под нары: – Нету!»

Когда-то Ткачук служил полицейским следователем. Теперь в нем заговорил старый сыщик. «А мог ли пострадавший завязать веревку на такой высоте?» – размышлял Ткачук. Он поднялся на табурет, стоявший у стены, вытянул руку: – «Да, мог! И все равно дело темное. Надо прятать концы в воду!»

– Срочно вызовите ко мне помощника! – распорядился смотритель. – Я иду в свой кабинет.

Едва вошел помощник, Ткачук приказал:

– Пусть батюшка быстренько отпоеет самоубийцу, и поторопитесь отправить труп в университетский морг! В сопроводительном письме попросите срочно вскрыть и сделать медицинское заключение. Труп оставить на препарирование студентам – для пользы медицинской науки. – Ткачук первый раз за день улыбнулся. – Корпусного Негоду и надзирателя за карцерами уволить в трехдневный срок без выходного пособия. Дожили, арестанты в замке вешаются, как на собственном чердаке!

Больше всего смотритель боялся за себя. Он отлично понимал, что произошло нечто таинственное, что понять ему не под силу, и на всякий случай решил принять крутые меры.

...Через полчаса на внутреннем дворе тюрьмы положили на подводу труп Федулова, завернутый в два казенных одеяла.

– Набросьте сверху рогожу, – приказал Ткачук, – нечего афишироваться.

Открылись ворота, и то, что совсем недавно было полно жизни и надежд, отправилось в последний путь – в университетский морг.

Таинственная незнакомка

Двадцатичетырехлетний товарищ (заместитель) губернского прокурора Кони отправлялся на новогодний раут, который имел быть 1 января 1869 года в Харьковском дворянском собрании. У парадного подъезда его ожидали легкие лакированные санки. Извозчик, могучий седобородый старик, протянул Кони конверт:

– Барышня просила вам передать. «В руки», – говорит.

– Какая барышня?

– А кто ее знает? Вон, вон, в драповом пальто побежала, за угол как раз скрылась...

Кони достал послание, прочитал: «Считаю своим долгом сообщить: вчера в тюремном замке убит арестант. Это сделали его же товарищи. Начальство пытается замести следы. Убитого отправили в анатомический театр университета, где он будет конечно же препарирован – и правды никто не дознается».

– Братец, догони-ка эту даму, – приказал Кони.

Извозчик хлестанул лошадь, они свернули в первый же переулок, проехали его до конца – след незнакомки потерялся.

– Не было печали! – вздохнул Кони. – Гони в Собрание.

Про себя он решил, что доложит о происшествии губернскому прокурору, который будет на рауте.

Прокурор Писарев, толстый, добродушный, прочитал письмо и ласково прогудел в нос:

– Э-э, батенька! Оч-чень прошу, проведите личное, э-э, дознание... Вот как раз наш уважаемый профессор патологической анатомии Лямбль. Профессор, э-э, простите, вас на минутку можно? У кого вы, э-э, Душан Федорович, такой, э-э, прекрасный фрак шили? Сделайте одолжение, запишите адрес портного. Э-э, чуть не забыл! Па-а-жалуйста, проведите нынче же экспертизу. «Жмурик», э-э, простите, мертвец в университете. Остальное вам объяснит Анатолий Федорович. Мои лошади к вашим, э-э, услугам. Поскорее возвращайтесь. Э-э, на дорожку по бокалу шампанского!

В царстве мертвых

Итак, Кони и Лямбль во фраках и белых галстуках оказались в университетском морге. Полупьяный сторож, спотыкавшийся на каждом шагу, стараясь казаться трезвым и исполнительным, промямлил:

– Вам какого мертвяка? Из тюрьмы, говорите? Привозили такого. Па-асмотрим реестр. – Сторож долго листал заму-соленную книгу, наконец нашел: – Федулов, двадцати семи лет. Евонный номер семнадцать. Сумеете запомнить? Или записать? – И торжественно провозгласил, широко взмахнув руками и теряя равновесие: – Милости просим!

Кони и Лямбль прошли коридор, оказались в амфитеатре, где на мраморной доске сидела обнаженная женщина. Лица не было видно, ибо на него с затылка, зияющего мясом и мелкими кровеносными сосудами, был надвинут скальп.

– Вот наша кладовочка! – радостно проговорил сторож, распахивая дверь в небольшую комнату. – Матерьялец постукает к нам из полиции и больниц, коли покойный не имеет родственничков.

Это были опившиеся до смертельного угара или замерзшие на улицах бездомные бедолаги. «Они лежали на низких и широких нарах, – вспоминал А.Ф. Кони, – лежали друг на друге, голые, позеленевшие, покрытые трупными пятнами, с застывшей grimасой на лице или со скорбной складкой си-

них губ, по большей части с открытыми глазами, бессмысленно глядящими мертвым взглядом. На большом пальце правой ноги каждого из них на веревочке был привязан номер по реестру...»

Сторож отважно, словно на поленницу, влез на эту гору трупов и стал разбирать их, приговаривая:

– Седьмой, четвертый, а где же наш, родимый? Господа командиры, вы случайно не помните, какой у нашего нумерочек? Семнадцатый, говорите? А вы, сердечные, не путаете? Тогда тут. Вот они самые, внизу лежат. Кто ж их туда положил? Как чего надо, так обязательно снизу...

Сторож спрыгнул на пол, ухватил труп с биркой «17» за ноги, стал энергично тянуть, кряхтя и отчаянно сопя. Лежавшие сверху мужские и женские тела, словно оживая и нагоняя на потревоживших гостей ужас, начали переворачиваться. Наконец сторож извлек труп Федулова и положил его на пол. Труп был без головы.

– Запомню совсем, с этими самыми праздниками все запуталось! – промычал сторож. – Прозектор ведь отпилил голову, я сам помогал ему – держал мертвяка. Вам она очень нужна? Понял, сейчас будет. Один секунд!

Голова в мешке

Сторож проковылял по коридору, шаги его затихли. Прошло пять минут, десять, полчаса. Эксперты чувствовали себя скверно: за стеной кладовая с ее жутким содержимым, впереди на столе белела фигура скальпированной молодой женщины. И собачий холод, пробиравший до костей.

Вскоре Лямбль не выдержал:

– Я сбегая за сторожем. Он, поди, забыл про нас, сидит пьет водку.

...Еще минут через пятнадцать, показавшихся Кони кошмарной вечностью, появился Лямбль с мешком в руках. Он вынул из мешка голову Федулова, приладил к телу:

– Да, отсюда! Голова спилена на уровне грудины. Странгуляционная полоса четко выражена в области щитовидного хряща, далее поднимается по боковым поверхностям шеи к сосцевидным отросткам. Отсутствует в области затылочного бугра. Борозда глубокая. Заметны мелкие кровоизлияния. Значит, вешали не труп, сам повесился. Кровоподтеки на лице? Но от них молодой человек скончаться не мог. В письме написан вздор. Это – самоубийство.

Эпилог

На другой день Кони получил от эксперта официальное заключение о самоубийстве. На этом история, казалось, закончилась.

Но, спросит читатель, почему Иван вдруг решил повеситься? Суд присяжных, начавший действовать в России незадолго до описываемых событий, должен был с пониманием отнестись к убийце. И еще. Откуда Федулов взял веревку?

На эти вопросы мы никогда не имели бы ответа, если бы не случай.

Минуло лет десять. В Петербурге главою сыска стал легендарный Иван Путилин. Как-то он занимался хитрым делом об убийстве. Его агент вышел на подозреваемого – бывшего тюремного надзирателя из Харькова Пономаренко. Сидя в трактире с агентом, изрядно захмелев, Пономаренко стал хвастать:

– Я ведь страсть какой ловкий! Когда-то одним махом отмстил нескольким своим врагам.

– Не может быть! – раззадорил его агент.

– Может! – отвечал Пономаренко. И он с пьяных глаз рассказал следующее.

Первым врагом для него стал Федулов, «отбивший невесту».

Получив для передачи Ивану записку Анфисы, в которой та писала о любви и верности, обещала ждать друга сердечного, Пономаренко разорвал записку и, стараясь подделываться под почерк, нацарапал следующее: «Ты, Иван, мне противен. Я полюбила другого. Прощай».

Войдя в камеру, Пономаренко протянул фальшивку:
– Читай!

Федулов перечитал раз, другой, словно не верил своим глазам. Потом дико завыл, в бессильном отчаянии застукал кулаками по стенам каземата. Надзиратель, якобы сочувствуя, произнес:

– Все они такие! Как сядет человек, так начинают хвостом крутить.

Федулов застонал:

– Прости, Господи! Я не хочу больше жить...

– Во-во, тогда спохватится, пожалеет. Но близок локоток, ан его не укусишь! Милый человек, дай-ка письмишко мне обратно – и так нарушил порядок, не положено.

Затем будто нечаянно выронил кусок бечевки. Хороший психолог, он понял: этот наложит на себя руки!

Впрочем, Пономаренко мало чем рисковал: никто не доказал бы, что обретенная веревка – это дело его, надзирателя, рук.

...Месяца за два до описываемых событий появилась вакансия – старший корпусной вышел на пенсион. На это место давно рассчитывал Пономаренко: он был грамотным и

сообразительным парнем. Но зритель назначил давно и беспорочно служившего Негоду. Пономаренко затаил лютую злобу, решил во что бы то ни стало обоим отомстить. И вот случай подвернулся.

Время дежурства Пономаренко закончилось, на вахту заступил Негода. По всем расчетам, именно в эту смену и должен был появиться труп в четвертом карцере. Отвечать бы пришлось корпусному. Пономаренко печатными буквами написал памятную нам записку и, улучив момент, засунул ее в карман зрителя.

Тут, правда, вышла некоторая промашка: Федулов еще не успел влезть в петлю. Зато когда тот был уже трупом, мстительный злодей через свою племянку отправил письмо товарищу прокурора.

Впрочем, как знает читатель, эти козни цели не достигли.

Надзиратель карьеру не сделал, корпусным не стал.

Летом того же, 1869 года Пономаренко был уличен в воровстве у своего товарища и изгнан со службы. Болтался по России, весной 1878 года сошелся с богатой вдовой-купчихой и задушил ее. За это преступление его отправили на Сахалин.

Что касается другой вдовы – Анфисы, она отвергла притязания всех ухажеров и оставалась верной памяти своего ревнивого, но горячо любившего мужа.

Анатолий Федорович Кони стал выдающимся судебным оратором, академиком, членом Государственного совета. Об

этом, впрочем, знает каждый.

Роковое сходство

Второго ноября 1876 года окружной суд Петербурга с раннего утра осаждали толпы любопытных. Среди собравшихся преобладали изящно одетые дамы. Они напирали на судебного пристава, который с помощью полицейских с трудом сдерживал могучий напор. Дамы требовали: «Пропустите, ведь это такое необычное преступление!»

Пристав, боясь, что толпа раздавит и его, и полицейских, принял решение: «Пропустить пятьдесят человек на балкон!»

Едва освободили проход, как... Впрочем, предоставим слово очевидцу – известному адвокату Н.П. Карабчевскому: «С писком, с визгом, не щадя своих модных туалетов, устремляются шумной ватагой все эти искательницы сильных ощущений и спешат занять лучшие места. За ними приливает другая волна разношерстной публики, которая довольствуется всяким местом, готова занять самое неудобное положение, лишь бы послушать пикантные подробности.

Наконец все занято: на хорах, внизу, в местах, отведенных для адвокатов и для лиц судебного ведомства, – всюду полно. Зала суда превратилась в залу театра – ждут начала спектакля...

Опять на сцене „роман действительной жизни“, роман,

полный сенсационных подробностей и интимных разоблачений, с кровавой, трагической развязкою в конце».

Это грустная история о незащитной девушке, которую судьба безжалостно перемалывала в своих жерновах.

Под липами

В Озерской волости, среди речушек с живописными берегами, среди густых лесов и поросших камышом и осокой болот, стояло богатое село Никольское. Славилось оно своими замечательными сапожниками.

Никольцы похвалялись: «Мы всякие сапоги сшить можем! Хромовые – до самой смерти не истоптать, аль липовые – разок к теще на блины сходить». И это было истинной правдой! Про хромовую обувь всякий знает, а про липовые напомнить не грех. Шились они с бумажной подошвой и с прокладкой луба от липы и с таким же задником. Стоили гроши, а выглядели как натуральные кожаные – блеск и красота!

Конечно, далеко в них не уйдешь, вот и пошла отсюда поговорка про «липовую работу» как про бессовестную: «Лишь бы мерку снять да задаток взять!»

Захар Кириллов липовых сапог не шил, а выходили из его рук новомодные мужские штиблеты. Слава о его золотых руках далеко летела, даже в Кимрах у него были заказчики – большие люди: учителя гимназии, полицмейстер Городилов, священник отец Аркадий.

Но кроме этой профессии была у Захара душевная улада. Держал он пасеку. Когда досужие люди спрашивали: «А сколько у тебя, добрый человек, ульев?» – Захар отвечал:

«Не знаю! Пчела не уважает счета. А вот медком угостить могу!»

Сам он любил в тишине летнего вечера прийти в пчельник, сесть со своей семьей в тени лип за стол, вдохнуть полной грудью ни с чем не сравнимый запах пасеки и меда, пить из самовара чаек и вести неторопливую беседу, спросить у супруги-разумницы полезного совета. Да и то сказать, детишек у Захара трое: старшей Анюте тринадцатый годок пошел. Лицо у нее красивое, задумчивое, темная коса толста – в полено. Говорит редко, зато работает споро: любая работа складно получается.

Жена Анфиса лицом и повадками – точь-в-точь как Анята. Даже моложавостью, стройностью ее сбиться можно: не за мать, за старшую сестру незнающие люди принимают.

Болтают ногами, сидя на лавке, двое мальчишек темноголовых: одному три года, другому пять лет. Это сыновья Захара. Вот всех их обдумать надо, кому чего купить. Заботы эти, впрочем, малые: достаток в доме сапожника хороший. Не только себе хватает, даже своей сестре Марии, что в Кимрах живет, Захар помогает: при каждой встрече пятерку, а то и десятку подбросит. В городе – это не то что в деревне, там все дорого, за все платить надо. А мужу сестры – Андрею Абрамовичу – задаром, дружбы ради сшил весною новые сапоги. Со скрипом наладил! Шагает, так за версту слышно. А это тоже уметь надо.

Пчелы, натрудившись за день, забираются в ульи. Солнце завалилось за горизонт и фиолетовой краской расцветило легкие перьевые облачка на горизонте. Соловей так отчетливо громко защелкал в орешнике, что в ушах ломит.

— Ну, засиделись мы, — потягивается Захар. — А мне ведь завтра к обеду следует штиблеты уряднику Степанову закончить. Надо встать пораньше. Малышня, шашь по полатам!

Анюта — та дело свое знает: всем уже постелила, перины пуховые взбила, свежее полотенце к умывальнику повесила.

Отец любит дочь. Он ласково улыбается и говорит Анфисе:

— Мать, а невеста у нас складная растет. Весело погуляем на свадьбе!

Увы, мечты отцовские оказались напрасными. Погулять не пришлось. Судьба распорядилась иначе.

Страшная трапеза

Перед самым Новым годом, проснувшись, как всегда, с первыми петухами, Захар долго от страха не мог прийти в себя.

– Что с тобой, муженек? – участливо спросила Анфиса.

Покачивая задумчиво головой, Захар молвил:

– Плохой сон мне привиделся. Будто открывается дверь нашей избы и входит в дом ангел, но только не светлый, а весь какой-то темный. «Что тебе?» – спрашиваю. «Да вот, за вами пришел. Собирайтесь в дальнюю дорогу». – «Может, только за мною?» – «Я ведь сказал, Захар, за всеми вами. Вы теперь в другом месте нужны. Не возьму лишь вашу Анюту. У нее путь иной».

Задрожал подбородок у Анфисы, перекрестила она детей и тихо сказала:

– На все воля Божья! Может, твой сон, Захарушка, так, пустое видение одно.

– Но насчет Анюты, так это совпадает! – жарко возразил Захар, который никак не мог прийти в себя. – Ведь я отправляю ее в Кимры к сестре, пусть отвезет им кое-что из наших запасов. Лавочник Савватей едет, обещал взять с собой девочку. «Дня за три-четыре, говорит, расторгуюсь и на возвратном пути ее с собой прихвачу».

Часов в девять, когда на дворе было еще серо, Анюта села на дерюжку, которую Савватей постелил в сани, мать накинула на дочь старый овчинный полушубок и сказала:

– С Господом!

На крыльце, зябко ежась, стояли в одних рубашках братья-ники. Отец поставил в сани куль крупитчатой муки, туесок с медом, осьмуху домашнего вина. Еще прежде Анюта спрятала на груди десятирублевую ассигнацию, которую отец приказал отдать сестре.

– Погода подымается, – сказал Захар, задумчиво поглядев на небо, закрытое низкими лохматыми тучами. – Вон как по дороге поземка крутит!

– Это нам ничего, – весело говорил Савватей, туже перепоясывая светлый тулуп. – Домчим одним пыхом!

Добрый жеребец, давно нетерпеливо уминавший копытами снег, с легким скрипом сдвинул сани и бойкой иноходью полетел по накатанной дороге.

Анфиса, томимая мрачными предчувствиями, долго-долго глядела вслед ездокам, пока они не скрылись за дальним поворотом.

...В тот же вечер семья Кирилловых поела грибов, засоленных осенью, и двое мальчишек в страшных мучениях скончались уже к полудню следующего дня. Еще через

несколько часов, испытывая сильную головную боль и помрачение сознания, выворачиваемая постоянной рвотой и сводимая судорогами, испустила дух Анфиса. Последним помер Захар – на рассвете следующего дня.

А еще через сутки, как раз в полдень 31 декабря, Савватей прикатил из Кимр. Он придержал жеребца, остановился у дома Кирилловых. Из саней вылезла Анюта, улыбаясь в предвкушении встречи с домашними.

Но встретили ее чужие люди, толпившиеся в сенях и горнице. На сдвинутых столах стояли четыре гроба.

Сиротская доля

Схоронив родителей, Анюта переселилась в Кимры.

Андрей Абрамович, муж тетки Марии, сорокавосемилетний крепкий человек, работавший механиком на ткацкой фабрике, почесывая большой, в синих прожилках нос, рассудил:

– Девчонке теперь в деревне делать нечего, пропадет там одна. Надо продать дом в Никольском, Анюта же пусть к нам переселяется. Будет по хозяйству помогать. Все едино бездетные мы!

Так и решилась судьба сироты.

Ее поселили в угловой чуланчик, где она спала на большом сундуке, а в маленькое высокое оконце едва брезжил свет – солнце загораживала стена.

Поначалу дело пошло неплохо. Трудилась Анюта от зари до зари: бегала за продуктами на базар и в лавки, месила тесто, готовила обед, ставила самовар, следила за курами, чистила двор и мыла полы в доме, стирала белье. И все делала не только смиренно, без ропота, но как-то весело, ухватисто. Тетка Мария восторгалась:

– Ох, Анька, шустра ты. Вся в покойных отца-мать пошла.

Андрей Абрамович, раскуривая папиросу, кивал лысой головой:

– Как пчелка трудится. И собою краля.

Тетка Мария благодушно улыбалась, радуясь бесплатной помощнице:

– Такая в девках не засидится! А тебе, Анька, и капитал к свадьбе лежит – двести рублей за проданный дом. Твое приданое!

Но и тетка, подобно несчастному Захару, ошибалась в судьбе воспитанницы. Вскоре начались такие дела, что не приведи господи!

Ухажер

На общую беду, послала как-то тетка Мария Анюту на фабрику к мужу – какое-то дело приспичило. Там ее заметил двадцатилетний юнец в узких панталонах и лакированных штиблетах – сын хозяина фабрики. Парень он был порченный, к дамскому полу приученный. Делом он никаким не занимался, а приходил на отцовскую фабрику приставать к ткачихам. Ведь не всякая девица отважится отказать в ласках хозяйскому отпрыску!

Сам хозяин не только сквозь пальцы смотрел на забавы сыночка, но когда ему жаловались, недовольно морщился:

– Ну что с этой девкой случится? Не убудет...

Вот и проказничало это великовозрастное дитя.

* * *

Увидал он Анюту, оскалился:

– Ах, какой замечательной красоты, прямо королева! Почему я тебя раньше не видел? В каком цеху работаешь? Может, новенькая?

Анюта, не подозревая худого, все про себя рассказала.

Навязался юнец, провожать пошел. С той поры стал домой к Анюте приходить, нахально себя ведет, шагу не дает девушке ступить. И время выбирает такое, чтобы она одна в

доме была. Раз тетка Мария, подходя к дому, услышала крик о помощи. Влетела она в прихожую, а там юнец Анюту на пол повалил, одежду на ней рвет.

Схватила она скалку, отходила по спине незваного гостя, а тот выскочил на улицу, кулаком грозит:

– Скажу отцу, он твоего мужа с фабрики уволит. Наплачешься!

Вечером держала тетка совет с Андреем Абрамовичем. Решили:

– От греха подальше отправить Анюту в Питер.

Дело в том, что соседский купец как раз туда собирался и обещал ее «приспособить в дом к хорошим людям».

Жизнь столичная

Петербург приятно поразил Анюту, которая, кроме Кимр, других городов не видала. Она любовалась громадными красивыми домами, стремительным бегом легких колясок, изящно одетыми дамами и господами, зеркальными вывесками и витринами богатых магазинов и кафе.

«Хорошими людьми», про которых говорил купец, оказался его двадцатипятилетний свояк Ермолай Белов. Это был коренастый щеголеватый человек с бесцветными навыкате глазами, жидкими белесыми волосами с пробором по середине, за которым Ермолай заботливо ухаживал.

Ермолай служил приказчиком в большом магазине, как раз напротив Николаевского вокзала. Это был сметливый и расторопный парень, твердо решивший нажить капитал и верою-правдою служивший владельцу магазина Федору Федоровичу Скоробогатову.

Искренне восхищаясь хозяином, пробившимся из мальчика на побегушках во владельца обширной торговли, воровавшего многими тысячами, Ермолай в восторге произносил:

– Федор Федорович – человек ума просторного! Деньги лопатой гребет, совком подгребает, а трубку ассигнациями раскуривает.

Скоробогатов, в свою очередь, тоже отличал Ермолая. Ес-

ли даже в самых богатых магазинах на бойком Невском приказчик самое большее получал за рабочий день целковый, то Ермолаю хозяин платил рубль с полтиною, да ко всем большим праздникам подарки подносил – «за усердие!».

* * *

У хозяина росла единственная наследница – дородная, вечно словно чуть заspanная, с гладким сытым лицом – дочь Олимпиада. И хотя она не была лишена некоторой привлекательности, но все у нее как-то неудачно с замужеством складывалось. Ей в грезах все мерещился какой-то сказочный Иван-царевич, а сватались сыновья знакомых с детства купцов – Федулы да Сидоры. Вот и надувала губки Олимпиада: «Не ндравится мне он, какой-то скучный, интересу в нем никакого!»

Отец свирепел:

– Почто выкобениваешься? Сурьезных женихов отвергаешь. Вот выдам за пастуха, так будешь с ним свиной пасти...

Но прежде пастуха появился лихой урядник казачьего полка Левченко, стройный красавец с закрученными кверху усами, решительными манерами и вдрызг проигравшийся в карты. Он лихо гарцевал на горячем жеребце под окнами Олимпиады, заламывал на затылок фуражку с золотой кокардой и посылал воздушные поцелуи.

Впрочем, как покажет жизнь, поцелуи были не только воз-

душными.

Благодетель

Ермолай сидел против потемневшего от времени большого зеркала в узорной деревянной раме, поплевывал на пальцы и тщательно ровнял пробор. При этом, важно прерывая разговор в связи со сложностями своего занятия, он говорил Аняте, примостившейся рядом на кончике стула:

– Так как ты есть сирота и никому не нужная, я буду твоим кормильцем и благодетелем. Станешь жить у меня вроде племянницы. Я тебя приспособлю к домашнему хозяйству. Поняла? А ты за мое добро старайся и чувствуй...

И вновь Анята бегала по лавкам, готовила, мыла, штопала, стирала. Как-то незаметно, словно это само собой разумелось, стала с Ермолаем разделять ложе, жить как с мужем.

После первого раза Анята, горячо переживая свой позор, разрыдалась. Ермолай облапил ее, поцеловал в мокрые глаза:

– Чего ты разошлась? Поживем, поживем, а там, глядишь, я тебя и под венец поставлю. Девка ты во всех отношениях справная, даже можно выразиться – замечательная.

Смирилась девица, тихо молвила:

– Воля ваша, Ермолай Павлович, только коли сироту обманете, большой грех на душу возьмете.

Тот за словом в карман не лезет:

– Грешный честен, грешен плут – яко все грехом живут! Только я так умишком прикидываю, что деться тебе, краля,

некуда. Кто в столицах пожил, того в деревенскую глухомань и палкой не загонишь. А у тебя в деревне нет ни кола ни двора. Так что держись за меня, солидного человека, да угождай, чтоб в моих мыслях перемен не произошло. Так-то!

Глубоко вздохнула Аня:

– Ваша правда! Буду услужать вам по мере возможностей.

– Вот и хорошо. На твою нынешнюю должность знаешь сколько желающих? Коли свистну я – десяток набежит. Где мой спиджак, ты его вычистила?

Необыкновенные способности

...Оставшись одна, Анюта опускалась на колени перед образом Спасителя, молилась за здоровье своего благодетеля, горячо благодарила Господа за доброту его, а пуще всего свой грех замаливала.

Возвращался Ермолай со службы поздним вечером. Плотнo поев и выпив три граненых рюмки водки, он помешивал горящие в печи дрова кочергой и рассказывал:

– У меня, Анюта, мозги по нашему делу очень большие. Мой хозяин Скоробогатов даже сегодня вслух при всех моими мозгами восхищался. Говорит: «Ты, Ермолай, из гроба покойника заставишь подняться, к нам в магазин прийти, а уж тут кому хочешь из аршина сукна три раза по пол-аршина отрежешь!»

Анюта искренне радовалась:

– Какие у вас, Ермолай Павлович, способности необыкновенные!

– В нашем деле без этого нельзя! И еще следует деликатным разговором покупателей ублаготворить. Может, сидит вещь на нем как седло на корове, а ты ему с восхищением: «В этом польте вы, ваше благородие, прямо на губернатора похожи!» Он уши и развесит, деньги отсчитывает. Да-с, нужно умение вежливо обойтись.

Анюта сочувствует:

– А что ж вы, Ермолай Павлович, так себя изнуряете, все уставший со службы являетесь?

– Наш Скоробогатов мужик оборотистый, он дешевых поставщиков имеет. И все твердит: «Лучше раз в карман рубль положить, чем сотню ни разу!» Вот по этой причине у нас в магазине цены самые унижительные. Публика к нам так и прет, да я еще должен при растворе постоять.

– Это при каком таком растворе?

– Да возле дверей входа, на прохладном ветру. Как увижу подходящего звания фигуру, так и тащу ее к прилавку чуть не за рукав, зазываю: «Шелк, атлас, канифас – все товары для вас! Задарма купите – в нашу фирму заходите! У нас без обману – радость вашему карману!»

– И заходят?

– На руках заносим, с песнями! А уж как раствор покупатель пересек, тут все равно что карась в сеть попал – трепещет, но не вывернется. Выше ушей товаром завалим. Без покупки редкий от меня ускользнет. За это хозяин и отличает.

Зевнет Ермолай, потянется сладко да скажет:

– Туши, Анюта, лампу, спать хочу!

...Так и побежали недели, месяцы, годы.

Карьера

Минуло пять лет. В судьбе Ермолая наступили значительные перемены. Началось с того, что перед самым Днем Святой Троицы старший продавец Филиппов с нетрезвых глаз полез купаться в Неву, в которой и утонул.

Труп, раздувшийся от бурой воды, выловили через неделю и схоронили на Волковом кладбище.

Уже во время поминок Скоробогатов посадил неподалеку от себя Ермолая, а по окончании застолья сказал ему негромко:

– Есть у меня для тебя сюрприз. Завтра с утра приди в магазин пораньше, потолкуем.

Толковать долго не пришлось. Хозяин на другой день объявил:

– Потому как вижу твое уважение к моей персоне и усердие по службе, назначаю вместо утопшего – старшим продавцом.

Это означало увеличение жалованья почти в три раза и избавление от все-таки унижительного стояния «в растворе».

Тем временем Олимпиада, скучавшая после неожиданно исчезнувшего из-под окон казака Левченко, стала вдруг с какой-то грациозной вежливостью изъясняться с Ермолаем. С ней, впрочем, у нового старшего продавца и прежде были непринужденные отношения. Ермолай вел себя до некото-

рой степени нахально, пускаясь на рискованные разговоры:

- Что ж вы, Олимпиада Федоровна, столь обманчивую внешность имеете?

Олимпиада удивлялась:

- Вы об чем намекаете, Ермолай Павлович?

- Сказывают в народе, что к вам сыночек купца Артамонова сватов засылал. И вы ему отказали, так он, сердечный, вторую неделю с горя пьет – не просыхает.

- Это тебя не касается, но зачем ты внешность мою упомянул?

- По наружности лица вы ангел небесный, а сердце ваше – каменное...

- Ха-ха! – зарделась польщенная словами Ермолая Олимпиада. – Так ведь я не бесприданница какая, могу и выбрать себе кого по сердцу.

- Но и артамоновский сынок из себя хоть куда. Правда, прыщеват малость, да причина тому известная, супруга быстро вылечит.

- И нос, скажи, как у хрюшки. Тьфу, лучше как наш Филиппов – в Неву, чем с таким страшилой на одной подушке спать.

Ермолай принимал серьезный вид:

- Не прокидайтесь женихами, сударыня! А то ведь как говорится: «Не найдешь паренька, так и выскочишь за пенька!»

Олимпиада возмущалась:

– Это я-то за пенька?

– Нет, я вообще имею в виду! – И, помолчав, с глубоким вздохом добавлял: – Вы из себя-с такой предмет вожеления представляете, что будь у меня миллион, так я его к вашим ножкам бросил бы.

Олимпиада опять краснела:

– Зачем такая неуместная щедрость?

– Извольте ошибаться, Олимпиада Федоровна! Это что ни на есть самая корысть. За свой миллион я попросил бы сокровища много бóльшие...

– Что такое? – хмурила бровки девушка.

– Я попросил бы позволения облобызать пальчики, извините, на ваших ножках. И был бы самым счастливым на всем белом свете!

– Ах, какой вы ветреник!

Ермолай шептал на ухо, воровато оглядываясь по сторонам, чтобы кто не заметил его выходок, – за такие шуточки хозяин в два счета из магазина прогонит:

– Кто ж за сто рублей алтын жалеет?

– Ловелас! У вас дома живет девица, жена, что ль, ваша?

– Племяшка-сирота!

Он брал Олимпиаду за руку, та вырывалась и уходила к себе на второй этаж, который под квартиру занимал Скоробогатов с семьей.

Ермолай мечтательно шептал:

– Эх, повезет же кому-то... А впрочем, счастье – не ло-

шадь, не везет по дорожке прямо!

Карьера (окончание)

В разгаре был золотой август. В канун Успения Пресвятой Богородицы хозяин позвал к себе в квартиру Ермолая. Тяжело отдуваясь, он пил из запотевшего кувшина янтарного цвета пиво. Угостил гостя, крикнул:

– Садись!

Ермолай был озадачен: что за оказия, зачем в свои хоромы пригласил его строгий Скоробогатов?

Выпили по стакану. Оба молчали. Вдруг хозяин впился глазами в гостя:

– Как же это ты, Ермолай, живешь в блудном грехе со своей девицей? Ведь на том свете отвечать придется!

Тот промямлил:

– Коли прикажете... могу и под венец... грех, конечно.

Скоробогатов вцепился громадными жилистыми ручищами в подлокотники кожаного кресла. Лицо все более наливалось кровью, глаза темнели и темнели, отражая и душевные сомнения, и животную ярость. Наконец он громко рявкнул:

– Ты, кобель, зачем моей Олимпиаде глазки строил? Зачем речи льстивые говорил? Под мой капитал, подлец, копаешь?

Ермолай побледнел от страха, напустил в порты, а язык прилип к гортани. Мысли лихорадочно неслись в помутнев-

шем разуме: «Конец! Погиб! Выгонит со службы...» Он пролепетал:

– Помилуйте, Фед Федыч... Ей-богу, ни сном ни духом!

Скоробогатов хрястнул кулачищем по столу, и графин с пивом чуть подпрыгнул, а стакан упал, покатился по столу и грохнулся на ковер.

– Молчать!

Хозяин тяжело засопел, покрутил головой и вдруг, словно побежденный боец, тихо сказал:

– Хрен с тобою, паразит! Лучше жениться, чем волочиться. Моя дуреха в тебя влюбилась. Нашла женишка! Вот уж точно: бабий ум волоса тоньше. Буду вас под венец ставить.

Не поверил своим ушам Ермолай. Подсеклись ноги, повалился на колени, ухватил руку хозяина, стал губами мусолить:

– Ах, благодетель! Век буду Бога благодарить.

Хозяин руки не отнимал:

– Я ведь понимаю, что ты Олимпиаде не пара. Какой ты ей муж? Но, видать, судьба нам породниться. А ты, Ермолай, не зарывайся, помни свой насест.

Потом хлопнул себя по лбу, вспомнил:

– А эта, что живет у тебя, гризетка: детей с ней не нажил? Дашь ей отступных. – Наморщил лоб, размышляя. Затем достал из ящика письменного стола толстый бумажник, протянул две «катушки». – Возьми, это от меня ей...

– Ах, щедрость какая, так и скажу: «От благодетеля наше-

го купца первой гильдии Федора Федоровича Скоробогатова-с двести рублей! Молись, дура, за его здоровье!» – и от себя денжат ей еще добавлю – по обстоятельствам дела. И не извольте насчет этой... как ее... грызетки сомневаться. Это так, пустяк-с!

* * *

Уже на Рождество Пресвятой Богородицы срочно отгрохали свадьбу. Недельку гуляла, кажется, вся Северная столица. Скоробогатов усердно бил поклоны перед образами: «Слава тебе, Господи, выпихнул замуж свое непутевое чадо!» Спешка эта имела серьезные основания: Олимпиада ходила уже с ребенком в чреве своем. Не зря казак Левченко гарцевал под ее окнами. Казаки попусту коней не утруждают.

Ермолай отмусолил окаменевшей от горя Анюте полсотни и съехал с квартиры на углу Гороховой. Он радостно потирал потные ладошки:

– Вот, черт, как все складно образовалось. Сделал-таки я свой карьер!

В аллеях Летнего сада

В мгновение ока рухнули мечты о семейной жизни и налаженный быт Анюты. Она оказалась на улице: без угла, без заработка. Спасибо, приютила ее старушка, снимавшая комнатушку в подвальном этаже того же дома, где она жила с Ермолаем. Но при этом предупредила: «Пускаю, милая, на непродолжительное время, так как самой развернуться негде – теснота!»

Целые дни бегала Анюта по улицам, читала объявления, искала любое место: горничной, няней или хоть кухаркой. Везде отвечали: «Все места заняты!»

Деньги быстро таяли, старушка все чаще напоминала о тесноте каморки, скудный гардероб Анюты с каждым днем ветшал. Чувство несправедливой обиды и неизбывной горечи переполняло ее. Жизнь все более делалась мрачной.

После очередной бесплодной попытки найти место возвращалась как-то Анюта Летним садом. Вдруг видит: идет навстречу изящный господин, тросточкой с серебряной конской головой вместо ручки поигрывает. На крупном румянном лице золотом очки поблескивают, а сам какую-то песенку весело напевает. Остановился, снял с головы котелок, отвесил Анюте поклон – будто сто лет знакомы – и начал что-то любезно, с улыбкой на французском языке тараторить.

Закраснелась Анюта, хотела мимо господина проскольз-

нуть, а тот пуще прежнего шляпой размахивает:

– Ах, мадам, приношу извинительный пардон! Перепутал вас с княгиней Екатериной Алексеевной Урусовой. Такая же красавица и причесывается так же. Удивительно похожи! Да, верно, вы с ней знакомы, вам небось говорили об этом.

Еще более смутилась девица, быстро отвечает:

– Позвольте, господин, мне пройти. Я по делам опаздываю.

– Если опаздываете, зачем свой экипаж отпустили? Впрочем, виноват, не смею в ваши личные дела мешаться. Но моя коляска к вашим услугам. Извозчик Корней – шустрый малый, гоняет как на пожар. Домчит в мгновение ока.

– Я пешком дойду.

– Зачем пешком? Вот и стихии начинают разыгрываться, того гляди, небесные хляби разверзнутся. Нет, я вас отвезу. Более того, я очень перед вами виноват.

– Чем?

– Тем, что позволил себе задержать вас, тем, что фамильярно заговорил, не имея чести быть знакомым. Кстати, разрешите представиться: Семен Францевич Малевский, потомственный дворянин. Живу на Выборгской стороне. Вот моя визитная карточка. Если интересуется место службы – директор Сампсоньевского завода. А как зовут мою милую собеседницу?

– Аня Кириллова.

– Очень приятно! Так вот, Аня Кириллова, я повторяю:

я очень виноват и желаю искупить свою промашку, свое беспардонное амикошонство. Если вы не позволите купить для вас, ну, скажем, золотые сережки, то я застрелюсь.

Доверчивая девица испуганно воскликнула:

– Ах нет, не стреляйтесь!

– Нет, мое слово кремень. Приеду домой и пушу себе пулю в лоб. И оставлю для газетчиков записку: «В моей смерти винить жестокосердную Аню Кириллову». – Глаза господина сверкали свирепой решимостью.

– Не делайте этого!

– Тогда едем в ювелирный магазин, моя коляска, кстати, вон та самая, у входа в сад. Мы отправимся к самому Фаберже. Я в приятельских отношениях с Петром Густавовичем.

Анюта покорно вздохнула. Подумала: «Может, у себя на заводе мне какое-нибудь местечко даст? Скажем, подметать в конторе?»

Господин поцеловал ее руку:

– Прежде ювелирного давайте в этом ресторанчике пообедаем. Я ведь за тем сюда и приехал. Не будем намеченное рушить!

Догоревшая свеча

Швейцар, поясно кланяясь, распахнул двери:

– Милости просим, Семен Францыч!

Метрдотель радостно спешил навстречу:

– Дорогие гости, ах, счастливый день! Семен Францыч, ваш кабинет свободен-с.

Анюта чувствовала себя смущенной. Ее поражали вышколенные официанты, блеск зеркал и хрусталя, дорогие картины по стенам, звон фужеров и богато одетые господа.

Малевского все знали, со всех сторон неслись приветствия, всем он радостно улыбался.

– Не хочу в кабинет! – заявил Малевский. – Будем гулять при всем честном народе.

Им тут же отвели удобный столик в углу, возле окна. Услужливо изгибаясь, подпоясанные красными кушаками с серебряными кистями, подскочили два официанта:

– Семен Францыч, сегодня у нас знаменитая стерлядь, в шампанском сваренная. Жюльены из птичьего ассорти желаете? Устрицы на льду свежие, с острова французского Олерон доставленные, – дюжина двадцать рублей. Галантин теревиный. Суп черепаховый. Тетерьки с грибами. Заливное из уток. Жаркое с каплунами-с. Артишоки. Да-с, чуть не запытавали: нынче нежные куропатки на канале. Прикажете с салатом «оливье» подать?

– Несите все самое вкусное! – лениво позевывает Малевский.

– Нас, Семен Францыч, мать бегом родила. Чихнуть, извините, не успеете, как мы вам на столе полный антураж изобразим.

* * *

Тем временем на эстраде появился верткий господин в яркой плисовой рубаше, таких же шароварах и с гармоньей в руках. Он потряхнул смоляными кудрями, склонил по-птичьи голову набок, устремил куда-то вдаль мечтательный взор, рванул меха и высоким голосом затянул:

За-аче-ем я мальчик уро-одился?

За-аче-ем тебя я полюбил?

Ведь мне назначено судьбою

Идти в сибирские края...

К удовольствию Анюты, на столе как по волшебству появились блюда, бутылки с разноцветными наклейками. Но в то же время ей очень нравилась песня, которую выводил гармонист со слезою в голосе:

В Сибирь далекую жестоко

Судом я в ссылку осужден,

Где монумент за покоренье

В честь Ермака сооружен.

Анюта пила шампанское, на душе у нее просветлело, она с радостью думала: «Какое счастье, что я встретила такого человека! Это не какой-то магазинный приказчик – директор!»

Малевский произносил забавные тосты: «За вечнозеленую любовь!», «За пиршество чувств!» Потом он стал восхищаться:

– Какое изумительное имя – Анна! Вы, сударыня, будете моей наградой – звездой, лентой и орденом одновременно. Кстати, сейчас юбилей: ровно сто сорок лет назад, как вы помните, король Гольштейн-Готторпский Карл-Фридрих учредил в память Анны Петровны, дочери Петра Великого, орден Святой Анны.

Анюта хлопала глазами и молчала.

– Выпьем за счастливую встречу с Анной, которая мне нынче дороже всех наград!

Они выпили, Малевский нежно поцеловал ее в плечо и ласково повторял, шептал в ухо:

– Вы моя золотая на красной муаровой ленте с четырьмя бриллиантами Анна! Вы – идеал мой!

* * *

...Потом он подсаживал ее в коляску. Она неясно, словно в тумане, видела мелькавшие мимо фонари и свет в окош-

ках. В ювелирном Анята выбрала золотые сережки и тут же повесила в уши.

Приехали к богатому дому на Никольском проспекте — с широкой мраморной лестницей и швейцаром в ливрее. Вновь пили шампанское в роскошной квартире Малевского. У нее сильно кружилась голова.

Очнулась она среди ночи. В громадные окна смотрели крупные звезды. Анята лежала на широкой кровати. В подсвечнике догорала оплавленная свеча. В ее неверном мерцающем свете на стене танцевали легкие тени. Рядом с Анятой, слегка похрапывая, лежал, обнажив волосатую грудь, Малевский.

Жизнь перевернула свою очередную страницу...

Немного о философии

В ту ночь, немного поплавав, Анята вновь уснула – крепким, не нарушаемым сновидениями сном.

Проснулась она от солнечного луча, заглядывавшего в окно. Малевского не было. На столике лежала записка: «Не уходи. Жди меня. Приеду обедать. Что надо, поможет горничная Лиза. Целую, *твой Семен*».

Горничная вскоре пришла к Аняте, показала расположение необходимых комнат. Завтракали они на кухне вдвоем – к ним присоединился тонкий, горбоносый, с висящими усами, похожий на кузнечика лакей Герасим.

Ели серебряными приборами с богатого сервиза. Прислуживала кухарка. Аняте все это стало казаться удивительным сном – такой роскоши она никогда не видела.

...После завтрака Анята рассматривала цветы в горшочках, стоявшие на широких подоконниках. Горничная Лиза, миловидная, вся утянутая в талии девица лет двадцати трех, приказала Аняте вытирать пыль с листьев трех пальм, стоявших в громадных кадучках в гостиной.

Анята работу эту выполняла долго – видать, с непривычки боясь повредить сухо шуршавшие листья. Потом она полила цветы и села за рояль. Откинув тяжелую крышку, робко, боясь побеспокоить прислугу, одним пальцем извлекла звуки.

За этим занятием и застал ее приехавший обедать Малевский.

Он был выходцем из старинной дворянской фамилии, жившей с незапамятных времен в Кракове. В нем текла кровь польских, немецких и русских предков. Малевский находился в каком-то родстве со знаменитым гетманом Брюховецким, который в конце XVII века громил турок в Молдавии, выжигал посады в Белгородчине и около Тягина (Бендер). Но за оставление войска во время сражения казацкой радой был обезглавлен. Может, от воинственных предков Малевский был бесшабашно храбр, любил порой гулять по ночным окраинам Петербурга в поисках опасностей. Однажды повторил гусарский подвиг, когда уселся на краю подоконника своего высокого этажа и до дна осушил громадный кубок с вином.

Окружающих он чаровал любезностью, безудержной щедростью, веселостью. Никто никогда не видел его унывающим. «Жизнь для меня – это сплошной праздник, – любил повторять Малевский. – Как жаль, что человек не живет хотя бы лет пятьсот!»

У него была острая память и блестящие способности к наукам. Ему оставалось учиться чуть больше года в Николаевской военной инженерной академии, как там произошли какие-то студенческие волнения. Хотя Малевский не имел к этим беспорядкам ни малейшего отношения, он в знак протеста против исключения из академии нескольких зачинщи-

ков тоже ее покинул. Это произошло в 1862 году, Малевскому шел двадцать второй год.

Образование он продолжил в Технологическом институте, полный курс которого окончил за четыре года. Затем по своей воле отправился на Кавказ. Здесь показал удивительное усердие и работоспособность во время работ на Поти-Тифлисской железной дороге, а затем и Киево-Брестской. Вернувшись спустя несколько лет в Петербург, сразу был поставлен директорствовать на Сампсоньевский завод.

Позже, во время суда, свидетели скажут о Малевском: «Везде он успевал, всякая работа кипела в его руках... Деятельность его на заводе была изумительна: он являлся на завод в семь утра, покидал его лишь поздно вечером. Прибыль завода при Малевском резко возросла, жалованье рабочих и служащих увеличилось. Все его любили, недоброжелателей у него не было».

И еще: «Малевский любил общество женщин, причем исключительно „легкого поведения“. В пирушках с ними он словно находил источник отдохновения. Он никогда не искал сердечного чувства, не требовал ни верности, ни постоянства». Такой была его жизненная философия.

* * *

Увидав за роялем Анюту, он весело расхохотался:

– Ты играешь, кажется, прелюды Листа? Bravo! Хорошо

сделала, что дождалась меня.

Обедали они вдвоем. Выпив бокал хорошего легкого вина, Малевский торопливо увлек Анюту в спальню:

– Как я опаздываю, дружок, если бы ты знала!

Через двадцать минут он вскочил в коляску, поджидавшую у подъезда, и покатил на завод.

Вечерний чай

Три дня Анюта провела в доме Малевского. На обед он больше не приезжал, зато вечернее время они проводили вместе. Лаская ее молодое, полное жизненных соков и энергии тело, страстно отдававшееся любви, он с улыбкой говорил:

– Благодаря тебе, дружок, я открыл в себе нечто новое.

Она вопросительно поднимала пушистые ресницы:

– И что же это?

– Я был уверен, что уже не способен на такие жаркие чувства. Но встретил тебя и потерял голову.

Она начинала игриво хохотать, явно счастливая его признанием:

– Такую голову терять нельзя – от этого империя пострадает.

– Да нет, я серьезно! Но, дружок, я все обдумал. Уважая твою честь, я не могу оставить тебя в доме – твоё положение было бы двусмысленно. Твоя честь – превыше всего! Я тебе сниму квартиру. И мы часто будем видеться.

Глаза Анюты стали наполняться слезами.

– И что потом?

– Потом? – удивился Малевский. – Я и сам не знаю – что будет потом. Жизнь сама все образует. Я дал зарок до сорока лет не удручать себя узами Гименея. Я хочу свободы. Так

что еще по крайней мере лет пять мне предстоит пребывать в печальном одиночестве.

— А я?

— Прости за оговорку: вместе с тобой я, конечно, не одинок. Тебе, дружок, я буду давать «на шпильки», скажем, сто рублей. Столько на нашем заводе чернорабочий получает за три месяца. Согласна?

Анюта слабо улыбнулась, обнимая и целуя Малевского:

— Я согласна на все, лишь бы быть с вами рядом.

— Вот и отлично, — облегченно вздохнул он. — По воскресеньям у меня собираются друзья. За столом, за вечерним чаем, ты будешь хозяйкой.

* * *

На другой день Анюта поселилась в хорошо обставленной двухкомнатной квартирке на одной из петербургских окраин — в Нарвской части. Добираться до Малевского было далеко, но он обещал оплачивать извозчиков. Навестили они магазины на Невском, накупили модных женских нарядов. Малевский денег, верный своей размашистой натуре, не жалел.

Умные разговоры

Воскресным вечером к Малевскому приехали три респектабельных господина. Двое из них – лысый, лет пятидесяти, с большим животом, в поношенном фраке, и почти юноша, с мягкими пушистыми усами и розовым лицом, недавно окончивший тот же институт, что и Малевский, – работали у него на заводе инженерами. Третий – друг детства, с которым Семен учился еще в гимназии, Коновалов. У него были белесые редкие волосы, зачесанные назад за розовые ушки, тонкий хрящевидный носик и бесцветные навывкате глаза.

Гости с нескрываемым интересом разглядывали Анюту. Лысый сочно причмокнул губами:

– Ваш вкус безупречен, Семен Францевич!

Коновалов был еще более откровенен. Не стесняясь присутствия горничной, внесшей горячий самовар, он хлопнул Анюту по округлости зада и плотоядно ощерил зубы:

– Семен, сколько тебе обходится это сокровище? Я готов платить в два раза больше!

Малевский недовольно поморщился, но ничего не ответил.

До чая было выпито достаточно шампанского, которое и разогрело гостей. Шел горячий спор о месте женщины в современном обществе.

С прямоотой, близкой к цинизму, Малевский убежденно

доказывал:

– Мужчина во всех отношениях превосходит женщину – и в физическом, и в психическом, и в умственном развитии.

Коновалов лениво, ради самого спора, возражал:

– Но согласишься, Семен, женщины ближе к земле, к реальной жизни...

– Это само собой разумеется. И ближе не только к земле, к самому космосу. Но как природа служит человеку, так служит ему и женщина.

Лысый понимающе покачал головой:

– Стало быть, мужчина, или, как вы изволили выразиться, человек, – это господин, а женщина – слуга, раба его?

И, опережая еще не успевшего родиться Освальда Шпенглера, Малевский жарко продолжал:

– Это так! И более того: женщина не только служит источником мужского наслаждения. Она сохраняет на земле человечество, а для государства расу.

Преодолевая некоторое смущение, но желая участвовать в общем разговоре, еще более зардевшись, молодой инженер спросил Малевского:

– А как же относительно идеалов? Неужели у женщины их нет?

Малевский, наслаждаясь собственной мудростью и словно со стороны наблюдая себя и оставаясь собой весьма довольным, важно кивнул:

– Идеалы, говорите? Как же, как же, они есть! – И, повер-

нувшись к Аняте, спросил: – Скажи, ведь у вас, женщин, есть идеалы? То есть, – пояснил Малевский, – какая-то высокая цель, к которой женщина стремится?

– Конечно!

Малевский азартно хлопнул в ладоши:

– И я скажу вам, господа, какая это цель: найти богатого мужа и прижить с ним кучу сытых и здоровых детишек!

Анята вопросительно посмотрела на своего возлюбленного:

– А что ж в том плохого: муж и детишки?

Малевский досадливо поморщился:

– Я не говорю, хорошо это или плохо, тем более что эти категории весьма относительные. Речь идет о другом: у мужчины идеалы более возвышенные. Это развитие собственных способностей и служение обществу.

Коновалов спросил:

– Так что, вечный антагонизм?

– Правильно, Владимир Алексеевич, вечный антагонизм! Мужчина самим Провидением призван подавлять женские инстинкты, подчиняя их собственным целям.

Молодой инженер счел необходимым вставить слово:

– Вы хотите сказать, Семен Францевич, что мужчина борется с самой природой? Надо ли?

Вместо ответа, Малевский устало потянулся. Он был глубоко убежден, что его нынешнее положение директора много ниже его достоинства и его выдающихся способностей.

Анюте он откровенно скажет: «Если бы смолоду в голове у меня было больше ума, то я не ушел бы из академии, встав тем самым в оппозицию правительству. Был бы я теперь министром или сенатором...»

По этой причине Малевский в душе презирал тех своих товарищей и то окружение, среди которых был вынужден вращаться. Коновалова он считал подлизой и приспособленцем, добившимся исключительно благодаря этим качествам какого-то положения в Министерстве иностранных дел. Лысый господин, по твердому убеждению Малевского, был отпетый жулик, грабивший вдов и сирот. Что касается самого молодого гостя, то хозяин о нем и думать не желал, полагая его личностью пустяковой.

Единственный человек, который вызывал в нем интерес, — это была Анюта, в силу своей молодости и чисто женских качеств способная доставить ему минуты животного блаженства.

Малевский, извинительно улыбнувшись, вздохнул:

— Простите, господа, хочу немного нынче поработать в своей библиотеке. Спасибо за визит!

Гости ушли. Малевский со всей пылкостью страстной натуры привлек к себе Анюту и начал ее целовать.

Анюта, преданно глядя ему в глаза, горячо шептала:

— Только вас одного люблю! Если надо — жизнь отдам...

Она говорила чистую правду. И с каждым днем, с каждой встречей ее чувства становились жарче и нежнее.

В дороге

– В тебе что-то есть этакое, ну, змеиное, – говорил Малевский Анюте. – Когда змея смотрит на жертву, она словно завораживает ее. Так и ты обладаешь каким-то магнетическим воздействием.

Разговор происходил в поезде Петербург – Москва. Любовники решили навестить старую столицу, благо Малевскому по делам службы следовало побывать в Белокаменной.

– Я тебя понимаю, пупсик, – грустно отвечала Анюта. – Будь я наследницей миллионного состояния, тогда ты давно узаконил бы наши отношения. А что я теперь? Нищая с туманным прошлым...

Малевский раздражался:

– Не в миллионах дело! Если бы я захотел, я нашел бы себе весьма состоятельную невесту. Ты знаешь это. Я и сам не беден. Я говорю как раз в твою пользу. Ты зачаровываешь, приковываешь к себе. Ведь мы скоро год вместе. Прежде я никогда не был таким постоянным. Если бы ты мне была безразлична, разве я взял бы тебя с собой?

– Конечно, пупсик! – Анюта поцеловала Малевского в переносицу. – Не обращайтесь внимания на мою болтовню. Я знаю, что неровня вам. И вам не нужны миллионы жены. Но вот зато если бы я была знаменитой певицей, пела в опере, мне под ноги бросали бы букеты роз, а газеты писали «Анна

Кириллова – гордость русской сцены!», то вот тогда...

Малевский прикрыл ей ладонью рот:

– Мне ничего от тебя не надо, лишь хочу, чтобы ты оставалась такой же. Посмотри, купе закрыто?

И они вновь заходились в любовной страсти. Только паровоз время от времени подавал гудки да колеса бились о стыки рельс.

Гостиница «Санкт-Петербург»

...В половине десятого утра, блестя медью, никелем и маслом, паровоз медленно подкатил к дебаркадеру вокзала в Москве. Малевский и Анюта прошли через зал ожидания, сиявший нарядной чистотой, громадными зеркалами и золотыми рамами картин.

На площади их окружили комиссионеры. Один из них – черный, с крупным носом, цыганистого типа – хрипло кричал:

– Бояры вы мои, поезжайте к нам в меблированные комнаты. Где? Да в доме Рейнгарда! Это на Сретенке в Луковом переулке. Очень роскошные номера! Предоставляем все необходимые услуги. У нас очень большие люди останавливаются.

Долговязый парень в вытертом демисезонном пальто на узких плечах криво усмехнулся:

– В ваших номерах не люди – тараканы останавливаются! – И он смачно сплюнул на булыжную мостовую. – Вот у нас, в «Полтаве», даже генералы бывают! Едем, господин хороший. Садовая улица, возле церкви Святого Ермолая. Поживете себе в наслаждение.

В этот момент, словно из-под земли, вырос громадный мужик с окладистой бородой, в добротном, старинного покроя армяке, с повадками думного дьяка. Раздвинув бога-

тырскими ручищами комиссионеров, он важно пробасил:

– Все брешут они! Нумера у них самые заурядные, клопы постояльцев, аки тигры кровожадные, пожирают. У нас в «Санкт-Петербурге» останавливались? Нет? Тогда непременно к нам следуйте. Ни клопов, ни тараканов не водится. Удобные помещения на любой вкус – от полтинника до двух рублей с прислугою и самоваром круглосуточно. Повар у нас прославленный, французский!

Анюта хлопнула в ладоши:

– Хочу к французскому повару!

Малевский хмыкнул:

– Да это лишь название одно – «французский», а на деле – какой-нибудь Еремей Парамоныч из Люберец.

Бородатый мужик против этого довода не возражал, но привел еще один резон:

– Зато езды отселя – сто сажень! Давайте вашу багажную квитанцию, доставим вещички прямо в номерок.

Малевский согласно махнул рукой:

– Вези!

Если бы ведали влюбленные, чем для них обернется сей выбор!

Песенки под арфу

Они плотно уселись в легкую рессорную коляску. Мужик разместил свой обширный зад на узких козлах и, по-разбойничьи посвистывая, понесся через площадь. Едва пересек ее и выкатился на Каланчевку, как резко осадил у солидного строения, на котором красовалась вывеска «Санкт-Петербург». (Забавная преемственность: почти на этом же месте спустя три четверти столетия была возведена высотная гостиница «Ленинградская».) В этой гостинице останавливались солидные купцы, крупные спекулянты, знаменитые аферисты и гастролирующие актеры.

В прокуренной бильярдной стучали шары, по номерам и в специальном зале азартные постояльцы резались в карты, половые носились по коридорам с пыхтящими паром самоварами. Несколько комнат занимали порочные девицы, удовлетворявшие потребности наиболее темпераментных постояльцев.

Но гостиница и впрямь оказалась довольно чистой, так что Малевский отлично выспался и утром в бодром настроении отправился по делам.

Сначала он побывал в доме Купеческого общества, что в Рыбном переулке. Здесь, в правлении заводов знаменитого Кольчугина, он договорился о поставках мельхиора в листах и красной меди. Оттуда отправился на Даниловскую улицу,

где заключил выгодный контракт с Германом Прейсом, владельцем напилочного завода.

Усталый, но счастливый, вернулся к вечеру в гостиницу, принял ванну и вместе с Анютой отправился в небольшой, но уже изрядно заполненный гуляющей публикой ресторан, разместившийся в полуподвале.

Они пили хорошее французское вино, с аппетитом ели сочные деволяи и забавлялись зрелищем, которое шло на невысокой эстраде, освещенной керосиновыми лампами с большими отражателями. Представление было вполне балаганным. Лихо отплясывал трепака крошечного роста сухонький человечек, дробно стуча каблуками ярко начищенных сапог. Потом бородатый мужик в цветастом жилете наяривал на балалайке, перекидывая ее то через спину, то через ногу и не сбиваясь с такта.

Балалаечника сменили разухабистые цыгане, долго не уходившие с подмостков.

Уже около полуночи два половых выкатили на середину сцены арфу. Перед публикой предстал толстый человек в новом фраке с блестящими саржевыми лацканами, оказавшийся владельцем гостиницы. Воздев руки к потолку, на котором были изображены голые амуры, он пророкотал:

– Известная во всем мире, блестящая европейская знаменитость госпожа Надежда Пильская!

Из-за ширмы, стоявшей у задника сцены, вышла женщина, взглянув на которую Малевский и Анюта от удивления

обомлели. Они увидели смуглую красавицу с роскошными плечами, с громадными печальными глазами и толстенной смоляной косой. Арфистка была поразительно похожа на... Анюту.

Последняя даже перекрестилась:

– Господи, бывает же такое!

Малевский покрутил головой и расхохотался:

– Невероятное сходство! Ох, хороша бабешка...

Тем временем госпожа Пильская изящной рукой тронула струны и запела красивым контральто:

Зачем на краткое мгновенье
В сей жизни нас судьба свела,
Когда другое назначенье
И разный путь она дала?

Зал сразу стих. Краснолицые купчины и изящные господа с моноклями в глазу с интересом слушали арфистку. Когда она кончила песню, на сцену полетели ассигнации, за которыми, впрочем, госпожа Пильская не наклонилась, чем еще больше расположила публику.

Малевский поднялся с места, громко захлопал в ладони и крикнул:

– Пожалуйста, «Затворницу»!

Из зала как эхо отозвались крики:

– «Затворницу», «Затворницу»!

Это была популярнейшая песня на слова Якова Полонско-

го, которую много десятилетий спустя обессмертит в одном из своих рассказов гениальный Иван Бунин, пребывавший, впрочем, в те годы еще в младенческом состоянии.

Госпожа Пильская согласно наклонила голову и запела:

В одной знакомой улице
Я помню старый дом,
С высокой темной лестницей,
С завешанным окном.

Там огонек, как звездочка,
До полночи горит.
А ветер занавесочку
Тихонько шевелит.

В зале уже никто не ел, не пил, не произносил тостов. Все, словно заколдованные, внимали певице: голос ее завораживал, у многих гуляк на глазах блестели слезы.

Никто не знал, какая там
Затворница жила,
Как чудно сила тайная
Меня туда влекла...

Чистый голос пел о несчастной любви, и трогательные слова находили отзыв в сердцах слушавших.

И опять ресторанный зал гремел овацией, опять сцену осыпали ассигнациями. Малевский вынул из вазы, стоявшей

на его столике, букет роз, вложил в него пятидесятирублевую бумажку и визитную карточку и, подойдя к эстраде, протянул певице.

Анюта весь вечер сидела надув губки. Когда они поднялись к себе наверх, она вдруг разрыдалась:

– Как не стыдно! Я всю жизнь тебе отдала, а ты...

– Не капризничай! Мне певичка показалась любопытной лишь по той причине, что как две капли воды похожа на тебя. Интересно, – Малевский расхохотался, – во всем остальном она тоже похожа на тебя?

– Мне противно слушать!

– Нет, серьезно говорю. Ты знаешь, чем прелюбодеи характерны? Они очень любопытны. В мире нет двух одинаковых женщин...

– Как и мужчин!

– Ах, ты и это знаешь! Так вот, эти самые, любопытные, норовят изучить и сравнить! Впрочем, закончим этот разговор. Нам необходимо скорее возвращаться домой. Послезавтра в десять утра состоится учредительное собрание страховой компании. Меня выберут в правление. Уедем завтра с пассажирским в половине второго пополудни.

Анюта возмутилась:

– Как же так? Ведь сам обещал сводить меня в музей князя Голицына? Еще в Питере говорил...

Тяжко вздохнул Малевский:

– Будь по-твоему!

...Утром он отправил гостиничного слугу на Николаевский вокзал:

– Возьмешь, братец, два билета в первый класс вечернего пассажирского. Того, что в половине седьмого отправляется. – И он протянул тридцать восемь рублей – стоимость билетов.

На Домниковке

Утро задалось яркое, солнечное, по-августовски тихое и теплое. Малевский с Анютой катил на лихаче на Тверской бульвар. Там в доме, принадлежавшем некоему Дубовицкому, разместилась выставка Общества любителей художеств.

Малевский водил Анюту по залам, рассказывал о картинах и их мастерах. Его поразило то внимание, с каким девица слушала его, ее сметливость и отличная память. «Побольше бы тебе образования, и ты украсила бы любой великосветский салон», – сказал Малевский.

Обедали влюбленные в «Париже» – это на углу Тверской и Охотного ряда. Услужливые официанты кормили их сытно и вкусно.

Через Мясницкую возвращались домой – пешком. Солнце уже склонялось к западу и до отхода поезда оставалось меньше часа, когда Малевский проводил подругу в номер и сказал:

– Загляну-ка я в табачную лавку!

Он отправился на соседнюю Домниковку. В небольшом чистеньком магазинчике «Борис Кожухов и К^о» оставил семь рублей и получил ящичек с кубинскими сигарами «Гавана». И вот когда он, распахнув дверь, вновь оказался на улице, то лицом к лицу столкнулся со вчерашней арфисткой.

Малевский захлебнулся от волнения:

– Какое чудо! Простите, медам, мою дерзость, но я... желаю выразить вам свой восторг. У вас волшебный голос! Вам необходимо петь в опере.

Арфистка, чуть зардевшись, с легкой улыбкой спросила:

– В Большом театре?

– Нет! Вы должны петь в Мариинском. Там голоса лучше, знаете. К тому же капельмейстер мой большой друг. Мы с ним в «Аркадии» обедали. И дома у меня он был.

– Это кто ж?

– Направник. Вот он меня приглашал на премьеру «Бориса Годунова». Я был. И еще на «Опричников» ходил.

– Я с Эдуардом Францевичем знакома. Взяла у него несколько уроков.

– Очень хорошо! Направник вас знает, а мы еще не познакомились. Позвольте представиться – Семен Францевич...

– Малевский! – улыбнулась собеседница. – Ведь вы послали мне свою визитную карточку.

– Ах, и вы, божественная, запомнили мое ничего не значащее имя! Позвольте поцеловать вашу чудную ручку. Что касается вашего имени, то мои уста повторяют его постоянно – Надежда, Надежда Пильская! Звучит как дуновение зефира в листьях душистого мирта.

– Да вы настоящий поэт!

– Иван Андреевич Крылов умер, когда мне было четыре годика. Но он, бывая у нас дома, однажды поглядел на меня и сказал: «Большой фантазер растет! Будет поэтом или... сы-

щиком». Но я не оправдал надежд нашего баснописца. Когда вы, сударыня, пожалуете к нам на берега Невы?

– В середине сентября должна быть.

– Приходите, умоляю вас, на Сампсоньевский завод. В проходной прикажите, чтобы проводили в контору к директору. Это я и есть. Целые дни на службе провожу.

– А вот та милая женщина, что с вами сидела за столиком и так сильно схожа внешностью со мной, ваша супруга?

Малевский протестующе замахал руками:

– Нет, господь с вами, это так, знакомая! Я холост.

...Они расстались вполне друзьями. Эта случайная встреча решила участь Малевского.

Нежная встреча

Пасмурным прохладным днем, которыми так богат город на Неве, Надежда Пильская прибыла в Петербург. Случилось это на другой день после праздника Воздвижения, в середине сентября. В августе скончалась ее богатая тетка, жившая на Литейном. Теперь Пильской предстояло выяснить некоторые дела, касавшиеся ее части наследства.

Это наследство, какая бы скромная часть его ни досталась Пильской, было весьма кстати. Закончив Московскую консерваторию, она не сумела хорошо устроиться в оперную труппу. По этой причине была вынуждена петь во второразрядном ресторане. Здесь, впрочем, ей порой перепадал приличный куш от подгулявших купцов. Хотя часть этих денег приходилось отдавать владельцу «Санкт-Петербурга», кое-что все же оставалось. И это кое-что она бережно откладывала для учебы в Италии, после которой Пильская надеялась стать выдающейся вокалисткой.

В Малевском она сразу разглядела натуру порочную и увлекающуюся. Но он был интеллигентен, умел, кажется, красиво ухаживать, недурен собой. Но главное, он был богат и щедр. Он сумел оценить ее певческие способности. И теперь задачей Пильской было сделать так, чтобы Малевский раскошелился и дал деньги на Италию.

Прямо с поезда она отправилась к нотариусу, а затем на

завод к Малевскому. Едва они остались вдвоем в кабинете, как он осыпал певицу поцелуями.

– Я не верю своему счастью! – страстно шептал Малевский. – Бросаю все дела – и в ювелирный. Хочу подарить тебе, моя козочка, золотое кольцо с бриллиантами. Пусть это будет памятью о нашей встрече. Затем поедem в ресторан, пообедаем. – Он задумчиво потер лоб и вопросительно посмотрел на певицу: – Но, может, не будем терять попусту сладостных минут? Поедем ко мне в гости?

Пильская кивнула:

– Сделайте, как находите нужным.

Малевский обрадовался:

– И пообедаем, и поужинаем, и... позавтракаем.

Дав указания по службе, Малевский с певицей через пятнадцать минут катил в коляске на Никольский проспект, что на Выборгской стороне, к себе домой.

Под дождем

В пылу страсти Малевский совершенно забыл про маленький пустяк. Минувшую ночь Анюта, по обычаю, провела у него в постели. Утром, отправляя ее на квартиру, которую он снимал в доме Шестаковой, это угол Петербургского проспекта и Новоизмайловского в Нарвской части, Малевский обещал:

– Вечером пришлю за тобой коляску!

Весь день Анюта томилаcь и жила лишь одним – встречей с любимым. К семи вечера она сидела одетая возле окна и ждала коляску. Улица была пустынна. Шел проливной дождь, и люди спешили спрятаться в дома.

Большие часы пробили восемь, девять, а затем и десять раз.

«Господи, не случилось ли чего с ним? – взволнованно думала Анюта. – Не простудился ли, не заболел? Ведь говорила ему утром, чтобы калоши надел, а он в легких штиблетах направился. Надо самой ехать на Никольский проспект, да денег на извозчика нет. Впрочем, пойду пешком. Промокну? Не беда! Вдруг я Сенечке нужна?»

Сказано – сделано. Раскрыв зонтик, Анюта отправилась через весь город к возлюбленному.

* * *

С темного неба беспрестанно хлестали потоки холодного дождя. Фонари в большинстве были задуты ветром, а те, что горели, почти ничего не освещали, лишь своими неверными мерцающими пятнами обозначая улицу.

Поначалу Анята пыталась выбирать дорогу посуше, но налетел ветер, вырвал из рук зонтик и унес во мгу. Расстроенная, она тут же наступила в глубокую лужу, и ее казимировые штиблеты наполнились водой, зачавкали при каждом шаге. Вскоре промок насквозь и длиннополый бурнус с капюшоном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.